

ПЕРВЫЙ ОТДЕЛ

ДЕЛО МУМИНОВ ПРОТИВ РОССИИ

(Заявление № 42502/06)

РЕШЕНИЕ СУДА

СТРАСБУРГ

11 декабря 2008 г.

Это решение станет окончательным при обстоятельствах, изложенных в статье 44 § 2 Конвенции. Оно может подвергнуться редактированию.

В отношении дела Муминов против России

Европейский Суд по Правам Человека (Первый Отдел), при заседании Палаты, в составе:

Христоса Розакиса, Председателя
Нины Важич
Анатоля Ковлер
Ханлара Хаджиева
Дина Спилманна
Сверре Эрика Джебенса
Джорджио Малинверни, судей
и Сорена Нильсена, Регистратора Отдела

Проведя обсуждение за закрытыми дверями 20 ноября 2008 года,

настоящим выносит следующее решение, которое было принято в эту дату:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было открыто по иску (№ 42502/06) против Российской Федерации, вынесенное на рассмотрение Суда в соответствии со Статьей 34 Конвенции о защите Прав Человека и Основных Свобод (далее, "Конвенция") узбекским гражданином г-ном Муминовым Рустамом Тулагановичем, (далее, "заявитель") 23 октября 2006 года.

2. Заявителя первоначально представляла г-жа О. Чумакова, а впоследствии г-жа И.Бирюкова, юристы, практикующие в Москве и Липецке соответственно. Российское Правительство (далее, "Правительство") представляли г-н П. Лаптев и г-жа В. Милинчук, бывшие представители Российской Федерации в Европейском Суде по Правам Человека.

3. 24 октября 2006 года Председатель Палаты указал Правительству-ответчику, что заявитель не должен быть выслан за пределы России до дальнейшего уведомления, и распорядился рассматривать иск в приоритетном порядке (Правила 39 и 41 Регламента Суда).

4. 11 января 2007 года Суд постановил направить Правительству уведомление по иску. В соответствии с положениями Статьи 29 § 3 Конвенции он принял решение изучить конкретные обстоятельства дела, равно как и его степень допустимости. Он также принял решение, что временная мера должна оставаться в силе.

5. Правительство возразило против совместного рассмотрения вопроса о степени допустимости и конкретных обстоятельств дела. Рассмотрев возражение Правительства, Суд отклонил его. Суд также отклонил просьбу заявителя об устном разбирательстве (Правило 59 § 3 Регламента Суда). Наконец, он решил снять временную меру, введенную 24 октября 2006 года.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявитель родился в 1965 году и отбывает наказание в виде лишения свободы в Узбекистане.

A. Прибытие и проживание заявителя в России

7. Заявитель прибыл в Россию в июле 2000 года и проживал в г. Мичуринске Тамбовской области. Как выяснилось, до середины 2003 года он возвращался в Узбекистан на непродолжительные отрезки времени. В 2004 году он был осужден российским судом и приговорен к шести месяцам тюремного заключения за использование фальшивой миграционной карты. После своего освобождения в октябре 2004 года он переехал в Усмань, провинциальный город в Липецкой области, где он работал поваром. По состоянию на 31 января 2005 года заявитель добивался разрешения на временное проживание (*разрешение на временное проживание*) и,

очевидно, подал заявление на получение российского гражданства. Как выяснилось, его заявление было отклонено 28 февраля 2006 года (см. ниже пункт 17). По словам заявителя, ему стало известно об отказе только 29 сентября 2006 года.

8. Совсем недавно, с 23 декабря 2005 по 23 марта 2006 года у заявителя было действующая временная регистрация по месту жительства (*временная регистрация*) в Липецкой области. По словам заявителя, в неустановленную дату 2006 года главный инспектор уголовной милиции Усмани Липецкой области отказался продлить ее. Однако, как было выяснено, никакого официального решения не было выдано.

В. Первый арест заявителя и процедуры по экстрадиции

9. Согласно информации от узбекских властей, в апреле 2005 года два узбекских гражданина обратились с жалобой в узбекскую Службу Национальной Безопасности (СНБ) о том, что заявитель участвовал в антиконституционных действиях в течение неопределенного периода времени. Он покинул Узбекистан после того, как были задержаны его сообщники.

10. 29 апреля 2005 года СНБ по Сурхандарьинской области возбудила уголовное дело против заявителя в соответствии со Статьей 159 § 3 (б) и Статьями 216, 244-1 и 244-2 Уголовного кодекса Узбекистана (см. ниже пункт 76). Они обвинили его в членстве в "Хизб-ут-Тахрир (ХТ), транснациональной исламской организации, чья деятельность запрещена в России, Германии и некоторых центрально-азиатских государствах. 8 мая 2005 года узбекские власти выдали ордер на арест заявителя в связи с обвинениями по Статьям 159 и 244-1 Уголовного кодекса Узбекистана.

11. 2 февраля 2006 года заявитель был задержан в городе Грязи России и взят под стражу. 4 февраля 2006 г. Городской суд города Грязи Липецкой области санкционировал его задержании с целью экстрадиции в Узбекистан, на основании Статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса (УПК). Он не установил срок, в течение которого это задержание являлось законным. Ордер на арест подлежал обжалованию в областном суде в трехдневный срок. Заявитель не обжаловал его.

12. В марте 2006 года Генеральная прокуратура Узбекистана потребовала экстрадиции заявителя и предоставила заверения в том, что его не выдадут другому государству без согласия России, и что он будет подвергаться судебному преследованию или наказанию за любое преступление, совершенное до его экстрадиции, и по которым в экстрадиции было отказано; а также, что он сможет покинуть Узбекистан после суда и отбытия наказания.

13. 12 апреля 2006 года прокурор Липецкой области поручил администрации СИЗО держать заявителя под стражей в соответствии со Статьей 466 УПК, Минской Конвенцией 1993 года и распоряжением Генерального прокурора от 20 июня 2002 года (см. пункты 53, 54 и 66 ниже).

14. 22 сентября 2006 года Генеральная прокуратура Российской Федерации отказала в запросе об экстрадиции, поскольку некоторые из деяний, вменяемых в вину заявителю, не являлись уголовными преступлениями в России, в то время как другие были совершены, до того, как стали уголовно наказуемыми в рамках Уголовного кодекса Российской Федерации, или в силу того, что обвинение по таким преступлениям истекли из-за срока давности.

15. 26 сентября 2006 года Генеральная прокуратура сообщила прокуратуре Липецкой области, что в выдаче заявителя было отказано, и дала указание прокуратуре проверить основания для пребывания заявителя на территории России, а также решить, следует ли его выслать за пределы России.

16. 28 сентября 2006 года Прокурор области поручил прокуратуре города Грязи проверить законность пребывания заявителя в России, и, в случае необходимости, возбудить в отношении него дело в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях. Прокурор писал следующее:

"... если судья не вынесет решения о высылке на основании административных нарушений и если будут законные основания, необходимо принять решение о депортации г-на Муминова в соответствии с разделом 25.10

Закона о порядке въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации и Постановлением Правительства № 199 от 7 апреля 2003 года ... "

В тот же день прокуратура города Гязи издала приказ об освобождении заявителя из-под стражи.

17. Заявитель был освобожден 29 сентября 2006 года. Сразу же после этого, прокуратура города Гязи обвинила его в незаконном проживании на территории России в нарушение Статьи на 18.8 Кодекса об административных правонарушениях. Было установлено, в частности, что заявление заявителя "на получение разрешения на временное проживание в России" было отвергнуто областным управлением Федеральной службы безопасности ("ФСБ") 28 февраля 2006 года, и что срок его регистрации по месту жительства истек 23 марта 2006 года. В тот же день административное дело было рассмотрено судьей в городском суде городе Гязи, который прекратил дело за отсутствием *состава преступления*. Судья вынес решение по существу, что, хотя срок регистрации по месту жительства заявителя истек 23 марта 2006 года, с того же дня и вплоть до 29 сентября 2006 года он содержался под стражей с целью экстрадиции. Так как его освободили и обвинили в один и тот же день, он не мог совершить преступление, вменяемое ему в вину. Данное решение вступило в окончательную силу после истечения установленного законом срока для обжалования.

С. Ходатайства о предоставлении убежища и статуса беженца

18. Находясь под стражей, в апреле 2006 года заявитель подал документы в Липецкое региональное управление миграционной службы с ходатайствами о предоставлении статуса беженца и временного убежища в России. 12 апреля 2006 должностные лица миграционной службы провели с ним собеседование в дом предварительного заключения. Как видно из записи беседы, подписанной заявителем, он отрицал членство в какой-либо запрещенной организации; узнав от своей жены об уголовных обвинениях, выдвинутых против него в Узбекистане, он сам планировал поехать туда, чтобы разобраться в ситуации, но не смог купить билет на поезд. В качестве причины отказа возвращаться в Узбекистан он указал на свой "страх судебного преследования за серьезные преступления, которые он не совершал".

19. В решении от 17 апреля 2006 г. миграционные власти отказались рассматривать ходатайство заявителя о предоставлении ему статуса беженца по существу, сделав вывод о том, что он покинул Узбекистан из-за "экономических причин", которые выпадают из перечня допустимых оснований по прошениям о предоставлении статуса беженца, и что он отказывается возвращаться туда из-за уголовного преследования, инициированного в его отношении. Миграционный орган также отклонил его ходатайство о предоставлении временного убежища от 2 мая 2006 года, сделав вывод о том, что его опасения подвергнуться судебному преследованию за преступления не могут быть достаточным основанием для предоставления временного убежища. Орган выявил следующее:

"...объяснения заявителя носят противоречивый характер ... 12 апреля 2006 года он пояснил, что он прибыл в город Гязи для покупки билета на поезд, в то время как 20 апреля 2006 года он утверждал, что он прибыл в город Гязи к другу с просьбой о помощи, для того, чтобы подать жалобу в Страсбургский суд. Заявитель, видимо, подразумевает *Европейский Суд по Правам Человека* в Страсбурге, тогда как он является гражданином Узбекистана, центрально-азиатской республики. Кроме того, иск в данный суд может быть подан после того, как заявитель исчерпал все средства судебной защиты в своей республике; кроме того, он бежал от правосудия в Узбекистане. Таким образом, заявитель, явно пытается скрыть свои истинные намерения.

Все причины, указанные заявителем в поддержку невозвращения в Узбекистан, были рассмотрены вместе с его просьбой о предоставлении статуса беженца, и не являлись основанием для предоставления такого статуса. Никакие другие причины не были приведены в пользу предоставления указанного статуса на основании гуманных соображений.

Согласно информации из российского Министерства иностранных дел, '... нет подтвержденной информации о случаях пыток или вынесения смертных приговоров в отношении изгнанных узбекских граждан... За последние два года Узбекистан предпринял определенные меры по проведению реформ в данной области... В декабре 2003 года Верховный суд Узбекистана запретил нижестоящим судам использовать признательные показания, полученные под пыткой или без присутствия адвоката, в качестве доказательств. В сентябре 2004 года Пленум Верховного суда подтвердил недопустимость незаконно полученных доказательств...'

Серьезность обвинений, выдвинутых против заявителя, должна быть принята во внимание... Политическая и экстремистская деятельность "Хизб ут-Тахрир" может представлять угрозу для национальной безопасности ... "

20. В августе 2006 года заявитель при помощи неправительственной организации Комитет гражданского содействия, оказывающей помощь иммигрантам, наняла г-жу Бирюкову для того, чтобы она представляла его интересы в отечественном судопроизводстве. 15 сентября 2006 года заявитель получил копию приговора от 17 апреля 2006 и обжаловал его. Он заявил, что стал беженцем «*sur place*» (на месте) ⁴; будучи суннитом, он опасался, что будет подвергнут пыткам со стороны узбекских властей с целью признания обвинений в экстремизме, выдвинутых против него. Он ссылаясь на отчеты ООН и международных неправительственных организациях о случаях плохого обращения против некоторых лиц, оказавшихся в подобной ситуации.

21. 24 октября 2006 года заявитель был выслан в Узбекистан (подробнее смотри раздел D ниже).

22. 27 октября 2006 года Советский районный суд Липецка оставил в силе решение от 17 апреля 2006 года. Суд пришел к выводу, что заявитель не смог привести какие-либо доказательства того, что он был или будет подвергаться преследованиям по "политическим соображениям".

23. 18 декабря 2006 года Липецкий областной суд отменил решение от 27 октября 2006 года и выдал распоряжение районному суду повторно рассмотреть вопрос. 10 января 2007 года районный суд снова отклонил жалобу заявителя. Он установил следующее:

"... [заявитель] не выполнил требования Статей 56 и 57 Гражданского процессуального кодекса, согласно которым от него требовалось предоставить доказательства в поддержку своего утверждения о политическом преследовании

[О]н уже незаконно проживал в России на протяжении долгого времени ...

Он не представил никаких доказательств того, что он уехал из Узбекистана по политическим мотивам, равно как и не было доказано, что его опасения по поводу преследований по политическим мотивам были оправданными. Он не подал заявления о предоставлении статуса беженца после своего незаконного въезда на территорию России. Таким образом, не существовало никаких юридических оснований для рассмотрения по существу его заявления о предоставлении статуса беженца, поданного в 2006 году".

Представитель заявителя не обжаловал данное решение суда.

D. Второй арест и высылка заявителя

1. Судебные разбирательства в результате ордера о высылке

24. Тем временем, в начале октября 2006 года заявитель добился назначения собеседования на 1 ноября 2006 года в Центре по делам беженцев в московском Управлении Верховного Комиссара Организации Объединенных Наций по Делах Беженцев.

25. 16 октября 2006 года Комитет гражданского содействия обратился с просьбой в миграционные органы, чтобы они подтвердили законность пребывания заявителя в России с тем, чтобы он мог выехать в другую страну, для въезда в которую не требовалось визы для узбекских граждан.

26. Заявитель был задержан 17 октября 2006 года в помещении Комитета гражданского содействия, вероятно, по причине отсутствия у него регистрации по месту жительства, необходимой в соответствии с Законом об иностранцах (см. пункт 48 ниже). После этого он был доставлен в Тверское районное Управление Федеральной миграционной службы. После опроса он предстал перед судьей Тверского районного суда Москвы, который признал заявителя виновным в пребывании на территории России в нарушение законодательства о проживании. Судья наложил на него административный штраф в размере 1000 российских рублей (RUB) и вынес постановление о его административной высылке из России, что является субсидиарным наказанием в соответствии со Статьей 18.8 Кодекса об административных правонарушениях. Согласно тексту судебного решения, в ходе слушаний заявитель признал, что он незаконно проживал на территории России и не имел определенного места жительства или источников дохода в России. По словам заявителя, ему не разрешили связаться с Комитетом гражданского содействия для того, чтобы нанятый им адвокат представлял его интересы

или выступал во время слушаний. В отдельном решении, вынесенном в тот же день, судья издал распоряжение о немедленном помещении заявителя в Северном СИЗО № 1 для иностранцев.

27. 18 октября 2006 года ФСБ обратилась к администрации следственного изолятора с тем, чтобы заявителя не депортировали без ее согласия, и чтобы все посещения к заявителю, получение им посылок или его телефонные звонки согласовывали с ней.

28. 19 октября 2006 года адвокат заявителя подал ходатайство об обжаловании распоряжения о высылке в Московский городской суд. Слушания были назначены на 26 октября 2006 года.

29. 20 октября 2006 года заявитель в официально оформил решение в отношении г-жи Чумаковой, уполномочив её возбудить иск в Европейском Суде.

2. Исполнение постановления о высылке

30. 23 октября 2006 года заявитель обратился с просьбой в Суд в соответствии с Правилем 39 Регламента Суда о предотвращении его высылки в Узбекистан. Он опасался немедленной высылки, несмотря на его апелляцию распоряжения о высылке, которое еще не рассматривалось, и утверждал, что он столкнется с серьезной опасностью жестокого обращения и несправедливого преследования, если его вернут в Узбекистан.

31. 24 октября 2006 года Суд в соответствии с Правилем 39 указал Российскому Правительству на то, что заявитель не должен быть выслан в Узбекистан до получения дальнейших уведомлений. Российское Правительство было уведомлено в 5:17 вечера по Страсбургскому времени (7:17 вечера по московскому времени) по электронной почте путем опубликования соответствующего письма на защищенном интернет-сайте, используемом для связи между Секретариатом Суда и Управлением Представителя Российской Федерации в Европейском Суде по Правам Человека.

32. Согласно информации из Правительства, заявитель покинул пределы России в 7:20 вечера (по московскому времени) 24 октября 2006 года на самолете рейсом № ЕЗ-265 из аэропорта Домодедово в Ташкент. Представитель заявителя представил письмо от 25 декабря 2006 года, выданного авиакомпанией "Домодедовские авиалинии", которое гласит:

Авиакомпания "Домодедовские авиалинии" не может подтвердить, что г-н П.Т. **Муминов** был на борту рейса № ЕЗ-265 из Домодедово в Ташкент 24 октября 2006 года, поскольку посадочного талона на данного пассажира не имеется".

Как следует из письма от 19 декабря 2006 года от компании «Узбекские авиалинии», 24 октября 2006 года г-на П.Т. **Муминова** не было на борту рейса НУ-602 из Домодедово в Ташкент. Согласно копии регистрационного журнала, предоставленной компанией и представленной представителем заявителя, самолет вылетел из Москвы в 11:50 вечера 24 октября 2006 года.

33. Согласно докладу, предположительно составленного ФСБ 22 октября 2006 года, заявитель был допрошен 20 октября 2006 года в связи с его предполагаемой экстремистской деятельностью; "учитывая его неискренность, и принимая во внимание давление со стороны правозащитных организаций, которые пытались представить его в качестве жертвы политических репрессий, [заявитель] был выслан из России".

34. Согласно пресс-релизу, выпущенному ФСБ 28 октября 2006 года, заявитель был выслан за пределы России 27 октября 2006 года.

3. Последующие события в России и Узбекистане

35. 2 ноября 2006 года Московский городской суд отменил распоряжение о высылке от 17 октября 2006 года и передал дело в районный суд. Городской суд установил, что районный судья не указан характер предположительно противоправного поведения заявителя. Судья не установил факты по данному делу, включая дату прибытия заявителя в Россию, выполнил ли он обязательство зарегистрироваться по месту его жительства

в России, а также дату истечения срока его регистрации. Судья также не проверил утверждение властей о том, что заявитель незаконно проживал в России с декабря 2005 года.

36. 29 ноября 2006 года районный суд повторно рассмотрел дело и обнаружил, что "заявитель пребывал на территории России на законных основаниях, когда он был впервые арестован и заключен под стражу"; затем он прибыл в Москву 5 октября 2006 года для того, чтобы подать заявление о предоставлении статуса беженца в московское представительство УВКБ ООН; он находился в офисе Комитета гражданского содействия вплоть до его ареста 17 октября 2006 года. Районный суд также указал, что заявитель обжаловал отказ в рассмотрении его ходатайства о предоставлении статуса беженца, и, что судебное решение было вынесено 27 октября 2006 года и еще не вступило в окончательную силу. Районный суд пришел к выводу, что заявитель не совершил административного правонарушения, связанного с "нарушением правил проживания на территории Российской Федерации", и прекратил дело производством.

37. 15 января 2007 года Джанкурганский (**Джаркурганский**) уголовный суд Узбекистана осудил заявителя за незаконные действия против конституционного порядка и участие в деятельности запрещенной организации, и приговорил его к пяти годам и шести месяцам лишения свободы. Согласно тексту судебного решения, "[заявитель] не признал себя виновным в суде, отрицал выдвинутые против него обвинения и полностью отказался от заявления, которое он сделал в ходе предварительного расследования, заявив, что его заставили подписать заявление о содеянном не прочитав его". Что касается заявлений двух свидетелей и досудебного заявления заявителя, суд первой инстанции установил, что в 1999 году заявитель стал членом ХТ в Узбекистане и занимался пропагандой ее деятельности, направленной на подрыв конституционного строя и создание исламистского государства. В судебном решении указано, что заявителя представлял адвокат. Приговор суда первой инстанции мог быть обжалован. Остается неизвестным, воспользовался ли заявитель своим правом обжаловать его.

38. По словам представителя заявителя в Суде, заявителю было отказано в праве быть представленным частным адвокатом, а вместо него был назначен бесплатный адвокат. Ни представитель заявителя, ни члены его семьи не были проинформированы о точном месте его содержания под стражей в Узбекистане.

39. Представитель заявителя в Суде обратился с просьбой в узбекскую прокуратуру предоставить информацию о месте содержания заявителя под стражей и условиях доступа к нему. Ее просьба была направлена прокурору Сурхандарьинской области Узбекистана. 17 января 2007 года прокурор направил запрос в Сурхандарьинский областной суд. Представитель заявителя также обратилась в Министерство внутренних дел и Министерство иностранных дел Узбекистана. Ответы не были получены.

40. В неустановленную дату российские власти направили узбекским властям запрос в отношении заявителя. 6 марта 2007 года Министерство внутренних дел Узбекистана ответило и приложило письмо заявителя на русском языке от 20 декабря 2006 года, в котором содержалось следующее:

"... во время моего ареста и содержания под стражей ... офицеры полиции и других правоохранительных органов не нарушали мои права и не оказывали на меня никакого физического давления.

У меня нет никаких претензий к служащим милиции в Москве и Липецке или к любым другим правоохранительным органам России.

Я подтверждаю, что это заявление является правильным и написано мной собственноручно".

41. Согласно отчету эксперта-лингвиста, подготовленного представителем заявителя, в вышеуказанном письме не было каких-либо значимых ошибок, в то время как личные письма заявителя содержат многочисленные ошибки, отражающие фонетику и грамматику его родного узбекского языка. Эксперт отметил, что заявитель не смог бы овладеть достаточными навыками владения русским языком в течение трех месяцев, прошедших между датой его писем-образцов (сентябрь 2006) и письмом, о котором идет речь (декабрь 2006). Эксперт пришел к выводу, что письмо от 20 декабря 2006 года не было написано заявителем добровольно, который переписал текст с оригинала или написал его слово в слово под диктовку какого-то другого лица.

Е. Расследование обстоятельств высылки заявителя

42. 28 октября 2006 года прокуратурой Центрального административного округа Москвы было возбуждено уголовное дело по жалобе представителя заявителя о его поспешной высылке.

43. 12 февраля 2007 года в Москве военный прокурор отказалась возбудить уголовное дело против нескольких сотрудников ФСБ в связи с поспешной высылкой заявителя. Прокурор заявил:

"...в результате совместной операции, проведенной сотрудниками следственного изолятора № 1, офицерами миграционной службы и сотрудниками ФСБ, 24 октября 2006 года, [заявитель] был выслан из России в нарушение... Кодекса об административных правонарушениях ...

Как следует из материалов дела, вопрос о его высылке до того, как судебное решение ... приобрело юридическую силу, был поднят ФСБ перед миграционными властями и руководством следственного изолятора ...

Было установлено, что миграционные органы приобрели авиабилет для [заявителя], но он не был использован ... Таким образом, точное время его пересечения российской границы не было подтверждено ...

По словам г-на К., офицера ФСБ, отъезд г-на Муминова был отложен до прибытия должностных лиц из Узбекистана, которые приобрели для него новый билет... "

44. 20 апреля 2007 г г-н Г., директор Центра задержания иностранцев, был обвинен в злоупотреблении властью. Г-н Г. признал себя виновным на суде. 24 мая 2007 года Бутырский районный суд Москвы признал его виновным в злоупотреблении полномочиями и приговорил его к штрафу в размере 35,000 руб. Среди прочего утверждалось, что:

"... зная о том, что распоряжение о высылке в отношении г-на Муминова не стало окончательным, г-н Г. нарушил его права подсудимого и разрешил исполнить распоряжение о высылке примерно около 5 вечера 24 октября 2006 года ... В результате г-н Муминов был посажен на рейс № НУ-602, следовавший в Ташкент ...

Кроме того, ... 26 октября 2006 года² Европейский Суд по Правам Человека указал российским властям, что его не должны высылать за пределы России. Однако, Российская Федерация не смогла выполнить это решение в результате незаконных действий г-на Г."

Представляется, что это решение не было обжаловано и стало окончательным.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРЕННЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

A. Конституции РФ

45. Никто не может подвергаться пыткам, насилию или любому другому бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию (Статья 21 § 2). Решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, местного самоуправления, неправительственных организаций и должностных лиц могут быть обжалованы в суде (Статья 46 § 2). В соответствии с международными договорами Российской Федерации, каждый человек имеет право обратиться в межгосударственные органы, занимающиеся защитой прав и свобод человека, после того, как все внутренние средства правовой защиты были исчерпаны (Статья 46 § 3).

B. Правила проживания, применяемые в отношении иностранцев

46. Согласно Соглашению между правительствами России и Узбекистана, подписанном в Минске 30 ноября 2000 года, с поправками, внесенными в 2005 году, гражданам одного из двух государств не требуется иметь визу на въезд и пребывание на территории другого государства (раздел 1).

47. Согласно Закону о правовом режиме в отношении иностранных граждан в Российской Федерации (№ 115-ФЗ от 25 июля 2002 года – далее, "Закон об иностранцах"), вступившим в силу в то же время, иностранный гражданин может временно пребывать на территории России, или временно или постоянно проживать в ней. Иностранному гражданину необходимо получить разрешение на временное проживание (*разрешение на временное проживание*) для того, чтобы временно проживать в России, или вид на жительство (*вид на жительство*) для того, чтобы постоянно проживать в России (разделы 6 и 8, соответственно). В предоставлении

разрешения на временное проживание или в виде на жительство может быть отказано, *среди прочего*, если иностранец выступал за насильственное изменение конституционных основ Российской Федерации, иным образом создавал угрозу для ее безопасности или ее граждан, или поддерживал террористическую (экстремистскую) деятельность (разделы 7 и 9).

48. Иностранному гражданину должен зарегистрировать свое место жительства в течение трех дней после своего прибытия в Россию (раздел 20 (1)). Иностранные граждане должны зарегистрироваться по адресу места проживания в Российской Федерации. В случае изменения их адреса, такое изменение должно быть перерегистрировано в полиции в течение трех дней (статья 21 (3)).

C. Санкции за нарушение правил проживания

49. Иностранному гражданину, который нарушил правила пребывания или проживания в Российской Федерации, в том числе невыполнение требований о регистрации своего места жительства, должен подвергнуться административному штрафу с последующей высылкой или без таковой за пределы России на основании административного правонарушения (Статья 18.8 Кодекса об административных правонарушениях). Решение об административном правонарушении приводится в исполнение, как только оно становится окончательным (Статья 31.2 § 2 Кодекса).

50. Согласно Инструкции о депортации или административной высылке иностранца, утвержденной Министерством внутренних дел 26 августа 2004 года, орган, отвечающий за исполнение постановления о высылке, которое стало окончательным, должен определить страну назначения, а также принять меры для отправки иностранца (пункт 22).

51. В соответствии с Законом о порядке въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации (№ 114-ФЗ от 15 августа 1996 года) с поправками, внесенными в 2006 году, компетентный орган может принять решение о том, что присутствие иностранного гражданина на территории Российской Федерации является нежелательным, - даже если оно является законным - если, к примеру, он создал реальную угрозу обороноспособности или безопасности государства, общественному порядку или здоровью (раздел 25.10 Закона). Если такое решение принято, иностранный гражданин должен покинуть Россию, либо быть высланным из страны. Процедура такой высылки подробно изложена в постановлении правительства № 199 от 7 апреля 2003 года.

D. Пребывание под стражей в ожидании экстрадиции

1. Уголовно-процессуальный кодекс

52. Согласно российскому Уголовно-процессуальному кодексу (УПК) срок содержания под стражей в ожидании окончания расследования не может превышать двух месяцев (ст. 109 § 1) и он может быть продлен судьей на срок до шести месяцев (Статья 109, пункт 2). Дальнейшее продление может быть предоставлено только в том случае, если лицо обвиняется в тяжких или особо тяжких уголовных преступлениях (Статья 109 § 3). Продления срока, превышающего восемнадцать месяцев, не допускается и задержанный должен быть немедленно освобожден (Статья 109 § 4).

53. После получения запроса о выдаче, не сопровождаемого ордером на арест, выданным иностранным судом, Генеральный прокурор или его заместитель должен принять решение относительно меры пресечения в отношении лица, выдача которого была востребована. Мера пресечения должна была применяться в соответствии с установленной процедурой (Статья 466 § 1).

54. Согласно Инструкции, изданной Генеральным прокурором 20 июня 2002 года, процедура ареста и продления содержания под стражей лиц, ожидающих экстрадиции, определяется международными договорами, участницей которых является Российская Федерация. Глава 54 УПК применяется к частям, касающимся соблюдения этих договоров. Освобождение задержанного может быть осуществлено по распоряжению Генеральной прокуратуры или по решению суда (пункт 2.9).

55. В решении от 4 апреля 2006 года Конституционный суд постановил, что общие положения, регулирующие меры пресечения, применяются в отношении всех форм и стадий уголовного судопроизводства, в том числе

производства по экстрадиции. Конституционный суд подтвердил установленное прецедентное право в отношении того, что чрезмерное или произвольное задержание, неограниченное по времени и без судебного рассмотрения, несовместимо с Конституцией ни при каких обстоятельствах, в том числе в отношении ситуаций, связанных с процедурой выдачи. Выяснено, что это решение было опубликовано в июле 2006 года. 11 июля 2006 года Конституционный суд отклонил судебную практику в отношении просьбы Генерального прокурора для разъяснения этого решения, и указал, что суды общей юрисдикции компетентны принимать решения о порядке и сроках, которые должны применяться для задержания в рамках процедуры экстрадиции.

56. В Глава 16 УПК установлена процедура, с помощью которой участники уголовного судопроизводства могут оспорить действия или бездействие дознавателя, следователя, прокурора или суда (раздел 123). Эти действия или бездействие могут быть обжалованы в прокуратуре или в суде. Статья 125 предусматривает судебный пересмотр решения, принятого дознавателями, следователями, прокурорами о не возбуждении уголовного производства, решения о его прекращении или любые другие решения или бездействие, которое могло бы привести к ущемлению прав лиц, участвующих в разбирательстве (статья 125).

2. Закон о заключении под стражу

57. Закон о заключении под стражу устанавливает порядок и условия содержания под стражей лиц, которые были задержаны в соответствии с УПК по подозрению в совершении уголовных преступлений, а также лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении уголовных преступлений, и тех, которые были взяты под стражу (раздел 1). Лица, подозреваемые или обвиняемые в совершении уголовных преступлений, имеют право подавать жалобы в суд или другой орган в связи с законностью и обоснованностью их содержания под стражей (раздел 17 (1) (7)).

Е. Закон о беженцах

58. В Законе о беженцах (Закон №. 4258-I от 19 февраля 1993 года) дается определение беженца как лица, которое не является гражданином России, и которое, в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, национальности, этнического происхождения, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, находится за пределами страны своего гражданства и не может или, вследствие таких опасений, не желает пользоваться защитой этой страны, или которое, не имея гражданства, и, находясь вне страны своего прежнего постоянного места жительства в результате подобных событий не может или, вследствие таких опасений, не желает вернуться в нее (раздел 1 § 1 (1)). Миграционные власти могут отказать в рассмотрении заявки о предоставлении статуса беженца по существу, если заинтересованное лицо покинуло страну своего гражданства в условиях, выходящих за рамки Раздела 1 (1) (1), и не хочет возвращаться в страну своего гражданства из-за страха понести ответственность за совершенное там правонарушение (*правонарушение*) (раздел 5 (1) (6)).

59. Лица, которые подали ходатайство о предоставлении статуса беженца или которым был предоставлен такой статус, не могут быть возвращены против своей воли в государство, гражданами которого они являются, где их жизнь или свобода будут подвергаться угрозе по расовому, религиозному, гражданскому признакам, принадлежности к определенной социальной группе или политическим убеждениям (разделы 1 и 10 (1)).

60. При получении отказа о рассмотрении ходатайства о предоставлении статуса беженца по существу, и приняв решение не воспользоваться правом на обжалование в соответствии с разделом 10, лицо, о котором идет речь, должно покинуть территорию России в течение одного месяца с момента получения уведомления об отказе, если он или она не имеет иных законных оснований для пребывания в России (раздел 5(5)). В соответствии с разделом 10(5), получив отказ в рассмотрении заявки о предоставлении статуса беженца по существу или отказ в предоставлении статуса беженца, и не воспользовавшись правом обжалования такого отказа, заинтересованное лицо должно покинуть территорию России в течение трех дней с момента получения уведомления о принятом решении по апелляции, если он или она не имеет других законных оснований для пребывания в России. Если после отклонения апелляции, заинтересованное лицо по-прежнему отказывается покинуть страну, оно должно быть депортировано (раздел 13 (2)).

61. Если лицо удовлетворяет критериям, установленным в разделе 1 (1) (1), или если оно не отвечает таким критериям, но не может быть выслано или депортировано из России по гуманитарным причинам, ему может быть

предоставлено временное убежище (раздел 12 (2)). Лицо, которому было предоставлено временное убежище, не может быть возвращено против его воли в страну своего гражданства или в страну своего прежнего постоянного места жительства (раздел 12 (4)).

Ф. Запрет на деятельность террористических организаций в России

62. Решением (*решение*) от 14 февраля 2003 года Верховный суд Российской Федерации удовлетворил просьбу Генерального прокурора и классифицировал ряд международных и региональных организаций как террористические, включая ХТ (также известной как Партия Исламского Освобождения), и запретил ее деятельность на территории России. Он вынес решение относительно ХТ, что она направлена на свержение не исламистского правительства и создание "исламистского правления в международном масштабе путем возрождения Всемирного Исламского Халифата", в первую очередь в регионах с преимущественно мусульманским населением, включая Россию и других участников Содружества Независимых Государств.

III. МЕЖДУНАРОДНЫЕ АКТЫ И ДРУГИЕ ДОКУМЕНТЫ

А. Совет Европы

63. Рекомендация № R (98) 13 Комитета министров Совета Европы государствам-членам по вопросу о праве лиц, ищущим убежище, которым было отказано в предоставлении убежища, воспользоваться эффективной правовой защитой против решения о высылке в контексте статьи 3 Европейской Конвенции по Правам Человека, гласит следующее:

"Без ущерба для прав любого лица, ищущего убежище, которому было в нем отказано, на обжалование отрицательного решения о предоставлении им убежища, помимо всего прочего, рекомендуется следующее в Рекомендации Совет Европы № R (81) 16 Комитета министров....

1. Эффективное средство правовой защиты перед национальными органами должно быть предоставлено для любого лица, ищущего убежище, которому было отказано в просьбе о предоставлении статуса беженца, и который подлежит высылке в страну, в отношении которой данное лицо представляет доказуемое утверждение о том, что он или она будут подвергнуты пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.

2. Применяя пункт 1 данной рекомендации, средство правовой защиты перед национальными органами считается эффективным, если: ...

2.2. этот орган является компетентным как принимать решение о наличии условий, предусмотренных Статьей 3 Конвенции, так и предоставить соответствующую помощь; ...

2.4. исполнение распоряжения о высылке приостанавливается до принятия решения по пункту 2.2".

64. Комиссар Совета Европы по Правам Человека опубликовал 19 сентября 2001 года Рекомендацию (CommDH (2001) 19), касающуюся прав иностранцев, желающих въехать на территорию государств-членов Совета Европы и обеспечения предписаний о высылке, часть которой гласит:

"11. Важно, чтобы право судебной защиты по смыслу статьи 13 Европейской Конвенции по Правам Человека не только гарантировалось законом, но также предоставлялось бы и на практике, когда человек утверждает, что компетентные органы нарушают или могут нарушить права, гарантированные Европейской Конвенцией по Правам Человека. Право на эффективное средство правовой защиты должно быть гарантировано каждому желающему оспорить постановление о принудительной репатриации или высылке. Оно должен иметься способ приостановить исполнение постановления о высылке, по крайней мере в тех случаях, когда предполагается нарушение Статей 2 и 3 Европейской Конвенции по Правам Человека".

65. Для других соответствующих документов, см. решение Суда по делу Гебремедин [*Gaberamadhien*] против Франции, № 25389/05, §§ 36-38, ЕКПЧ 2007 -...

В. Минская конвенция 1993 года

66. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (подписана в Минске 22 января 1993 года и с поправками от 28 марта 1997 года), участницами которой являются и Россия и Узбекистан, предусматривает, что выслаемое лицо не может подвергаться уголовному преследованию или наказанию за уголовное преступление, совершенное до экстрадиции, и в отношении которого в экстрадиции было отказано, без согласия экстрадирующего государства (Статья 66 § 1). Экстрадируемое лицо не может быть передано третьему государству без согласия экстрадирующего государства (Статья 66 § 2).

С. Отчеты об Узбекистане

67. В своем докладе, представленном в соответствии с Резолюцией 2002/38 (E/CN.4/2003/68/Add.2) Комиссии Организации Объединенных Наций по правам человека, Специальный докладчик по вопросам о пытках Тео ван Бовен, описал ситуацию в Узбекистан следующим образом:

"40. Согласно информации, полученной из неправительственных источников, пытки в настоящее время используется практически во всех случаях, когда применяются Статьи 156, 159 и 244 УК [Уголовного кодекса] ... для того, чтобы выбить признательные показания и наказать тех, кто воспринимается органами государственной власти как вовлеченные в любую религиозную или политическую деятельность, противоречащую государственным интересам (так называемые преступления против безопасности). Эти положения, которые довольно нечетко сформулированы и их сфера применения может быть по-разному толковаться, как утверждается, применялись в многочисленных, по утверждениям, сфабрикованных делах и приводили к суровым приговорам о тюремном заключении. В настоящее время после недавних внесенных поправок только четыре вида преступления являются преступлениями, караемыми смертной казнью и, как утверждается, приводят к смертной казни только в том случае, если они сочетаются с убийством при отягчающих обстоятельствах. Доказательства, собираемые в таких случаях, как утверждается, основываются исключительно на признаниях, полученных незаконными средствами. Сообщается, что листовки религиозного толка, а также оружие или пули подбрасывались в качестве доказательств того, что человек принадлежит к запрещенным группам, таким как "Хизб-ут-Тахрир", транснациональному исламскому движению, которое призывает к мирному созданию халифата в Центральной Азии. Также сообщается, что пытки и жестокое обращение продолжают применять против заключенных, осужденных по таким обвинениям, *среди прочего*, для того, чтобы заставить их написать письма с покаянием на имя Президента Республики или наказать их в дальнейшем ...

66. Сочетание несоблюдения принципа презумпции невиновности, несмотря на то, что он гарантируется Конституцией (статья 25) и [Уголовно-процессуальным кодексом] (статья 23), дискреционных полномочий следователей и прокуроров в отношении вопросов, связанных с доступом к заключенным адвокатым и родственникам, а также отсутствие независимости судебной системы и предполагаемые угрожающие масштабы коррупции в судебных и правоохранительных органах, способствуют использованию незаконных методов расследования. Чрезмерные полномочия прокуроров в общем уголовном судопроизводстве, которые одновременно должны проводить и контролировать предварительное уголовное расследование, предъявлять обвинения и осуществлять контроль за соблюдением существующих правовых гарантий против пыток в ходе уголовного расследования и в местах лишения свободы, ставят расследование жалоб в чрезмерную зависимость от их доброй воли.

67. Специальный докладчик выражает сожаление по поводу отсутствия правовых гарантий, таких, как право на *хабеас корпус* и право на оперативный и конфиденциальный доступ к адвокату и родственникам. Далее он отмечает, что люди в предварительном заключении содержатся в помещениях, которые находятся под той же юрисдикцией что и следователи по делу ...

68. Специальный докладчик считает, основываясь на многочисленных свидетельских показаниях (включая ряд смертельных случаев во время содержания под стражей), полученных им в ходе поездки, и не в последнюю очередь от тех лиц, чей страх проявился в том, что они просили анонимности, и которые, таким образом, не извлекали личную выгоду от своих утверждений, что пытки или аналогичные виды жестокого обращения носят систематический характер, что и было определено Комитетом против пыток. Несмотря на то, что только небольшое число случаев пыток может быть доказано с абсолютной уверенностью, многочисленные собранные показания настолько последовательны в своих описаниях методов пыток, а также мест и обстоятельств, при которых совершаются пытки, что широту применения и стойкий характер пыток во время проведения расследований невозможно отрицать. Специальный докладчик также отмечает, что пытки и другие формы жестокого обращения, очевидно, используются без разбора в отношении лиц, обвиняемых в деятельности, квалифицированной как тяжкие преступления, такой как действия, направленные против государственных интересов, а также в отношении мелких преступников и других".

68. В марте 2005 года Комитет ООН по правам человека рассмотрел Второй периодический доклад по Узбекистану в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах и принял следующие замечания (CCPR/CO/83/UZB):

"10. Комитет выражает обеспокоенность по поводу сохраняющегося высокого числа обвинительных приговоров, основанных на признаниях, сделанных в ходе досудебного содержания под стражей, которые были якобы получены путем методов, не совместимых с положениями статьи 7 Пакта. Он также отмечает, что, хотя 24 сентября 2004 года Пленум Верховного суда постановил, что нет информации, полученной от задержанного лица в нарушение уголовно-процессуальных требований (в том числе в отсутствие адвоката) могут быть использованы в качестве доказательств в суде, это требование не отражено в законе ...

11. Комитет выражает обеспокоенность по поводу утверждений, связанных с широким применением пыток и жестокого обращения по отношению к задержанным и небольшим числом сотрудников, которым было предъявлено обвинение, которые были привлечены к ответственности и осуждены за совершение таких деяний. Вызывает также обеспокоенность то, что не проводится никакого независимого расследования, в полицейских участках и других местах содержания под стражей, чтобы гарантировать, что ни пытки или жестокое обращение не происходят, за исключением небольшого числа расследований с участием [экспертов] извне, упомянутых делегацией ...

15. Комитет отмечает, что, несмотря на то, что в соответствии с внутренним законодательством, у людей имеется доступ к адвокату во время ареста, это право часто не соблюдается на практике ...

16. У Комитета сохраняется обеспокоенность в связи с тем, что судебная власть не является полностью независимой, и что назначение судей должно пересматриваться органами исполнительной власти каждые пять лет ... "

Заявитель также сослался на доклад (CCPR/CO/71/UZB, § 14) от 2001 года, подготовленным Комитетом ООН по правам человека и доклад (CAT/C/CR/28/7, § 5 (E)) от 2002 года, подготовленного Комитетом ООН против пыток.

69. Специальный докладчик ООН по вопросам пыток Манфред Новак заявил следующее на Сессии Совета ООН по правам человека 20 сентября 2006 г.:

"Применение пыток в Узбекистане носит систематический характер, как указывается в отчете о поездке в страну в 2002 году моего предшественника Тео ван Бовена. В подтверждение этих заключений, мой офис продолжает получать тревожные сообщения о применении пыток узбекскими сотрудниками правоохранительных органов ... Перед лицом таких значительных, серьезных и убедительных доказательств систематических пыток, применяемых сотрудниками правоохранительных органов в Узбекистане, я продолжу призывать Правительства воздержаться от передачи лиц в Узбекистан... "

70. В своем докладе 2006 года "Положение в области прав человека в Узбекистане" (A/61/526) Генеральный секретарь ООН выразил обеспокоенность по поводу судьбы лиц, выданных или высланных в Узбекистан:

"20. УВКБ ООН продолжает испытывать озабоченность по поводу судеб все большего числа узбекских просителей убежища и беженцев, часть из которых бежала после андижанских событий, которые были задержаны в странах Содружества Независимых Государств и принудительно возвращены в Узбекистан, несмотря на реальную опасность подвергнуться жестокому обращению в нарушение международных стандартов. В феврале 2006 года 11 узбекских просителей убежища были насильственно возвращены из Украины в Узбекистан. В заявлении для прессы от 16 февраля 2006 года УВКБ ООН заявило о том, что оно потрясено такой насильственной депортацией. До настоящего времени Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН) не получило доступ к этим 11 людям... Согласно информации, полученной УВКПЧ, к этим людям не был получен доступ с момента их возвращения в Узбекистан.

21. УВКПЧ обеспокоено по поводу других лиц, которые бежали после андижанских событий, и на которых оказывается давление со стороны правительства Узбекистана или принимающей страны, чтобы они вернулись, несмотря на реальный риск жестокого обращения в нарушение международных стандартов ...

46. В интервью от 10 апреля 2006 года, Специальный докладчик по вопросу о пытках заявил, что "существует достаточно доказательств того, что как полиция, так и другие силы безопасности пытали и продолжают систематически применять пытки, в частности, против диссидентов или людей, которые являются противниками режима "...

48. Комитет по правам человека, в своих заключительных замечаниях от 31 марта 2005 г. (CCPR/OP/83/UZB), продолжает испытывать беспокойство по поводу высокого числа обвинительных приговоров, основанных на признаниях, сделанных в

ходе досудебного заключения, которые предположительно были получены с помощью методов, несовместимых со Статьей 7 Международного пакта о гражданских и политических правах. Комитет выразил обеспокоенность в связи с определением пытки в Уголовном кодексе Узбекистана. Кроме того, Комитет указал на обвинения, связанные с широкомасштабным применением пыток и жестоким обращением с задержанными, и на незначительное число должностных лиц, которым были предъявлены обвинения, которых подвергли преследованию в уголовном порядке и осудили за совершение таких деяний. В соответствии с просьбой Комитета Правительство Узбекистана должно было представить дополнительную информацию по этим вопросам к 26 апреля 2006 года. До сих пор такая информация не была предоставлена Комитету по правам человека".

71. В ноябре 2007 года Комитет ООН против пыток рассмотрел третий периодический доклад по Узбекистану (CAT/C/UZB/3), и принял, *среди прочего, следующие выводы (CAT/C/UZB/CO/3):*

"6. Комитет обеспокоен:

(а) Многочисленными, непрекращающимися и систематическими утверждениями относительно регулярного использования пыток и других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, совершаемых сотрудниками правоохранительных и следственных органов или совершаемых с их согласия или при их подстрекательстве, часто для получения признания или информации, которая будет использоваться в уголовном судопроизводстве;

(б) Заслуживающие доверия сообщения о том, что такие действия обычно происходят до предъявления официальных обвинений и в ходе досудебного содержания под стражей, когда заключенный лишен основных гарантий, в частности, доступа к адвокату. Эта ситуация усугубляется тем, что, согласно сообщениям, используются правила внутреннего распорядка, которые на практике позволяют использовать процедуры, противоречащие опубликованному закону;

(с) неспособность провести быстрое и беспристрастное расследование таких обвинений в нарушении Конвенции; ...

9. Комитет также получил достоверные сообщения о том, что некоторые лица, которые пытались найти убежище за границей, и были возвращены в страну, содержались под стражей в неизвестных местах и, возможно, стали жертвами нарушения положений Конвенции ...

11. Комитет по-прежнему обеспокоен тем, что, несмотря на сообщения об улучшении, имеются многочисленные отчеты о плохом обращении во время содержания под стражей и многочисленных случаях смерти, некоторые из которых, как утверждается, подвергались пыткам или жестокому обращению ... "

72. В поддержку своего утверждения об опасности жестокого обращения в Узбекистане, заявитель также представил копию документов третьих лиц, таких как Хьюман Райтс Вотч (HRW) и Центр **AIRE** (Консультационный центр по правам человека в Европе) по делам *Исмоилов и другие против России* (№ 2947/06, постановление от 24 апреля 2008 года) и *Маматкулов и Аскарлов против Турции* ([GC], №№ 46827/99 и 46951/99, ЕКПЧ 2005-I); доклад Правозащитного центра Мемориал в сотрудничестве с Международной лигой по правам человека 2005 года в связи со Вторым периодическим докладом по Узбекистану в Комитет ООН по правам человека; Справочный Документ HRW 2005 года "Оценка реформы в отношении пыток: исполнение Узбекистаном рекомендаций Специального докладчика по вопросам пыток" и другие документы этой организации; а также различные новости, доступные на Интернет-страницах, такие как www.centrasia.ru. Указанные выше документы описывали тревожную ситуацию с правами человека в Узбекистане со ссылкой на различные примеры и указывали на отсутствие обоснованного прогресса в этой области.

D. "Хизб-ут-Тахрир (ХТ) в Узбекистане

73. Во всеобъемлющем докладе 2004 года, озаглавленном "Создание врагов в государстве: Религиозные преследования в Узбекистане", организация Хьюман райтс вотч представила следующий анализ (внутренние сноски опущены):

"Члены "Хизб-ут-Тахрир", как и мусульмане, называемые государством ваххабитами, в подавляющем большинстве являются самоопределившимися Ханафи суннитами, каковыми является большинство мусульман в Узбекистане, а не приверженцами Ваххабизма, как это понимается в контексте Саудовской Аравии...

Члены Хизб-ут-Тахрир образуют отдельный сегмент независимого мусульманского населения в силу их принадлежности к отдельной определенной Исламской группе со своими собственными принципами, структурой, деятельностью и религиозными текстами.

"Хизб-ут-Тахрир" является международной исламской организацией с филиалами во многих частях мира, включая Ближний Восток и Европу. "Хизб-ут-Тахрир" пропагандирует особое видение исламского государства. Ее целью является восстановление халифата, или исламского правления, в Центральной Азии и других, традиционно мусульманских землях, и практика исламского благочестия в том виде, как его интерпретирует группа... "Хизб-ут-Тахрир" отвергает насилие как средство достижения восстановления Халифата. Тем не менее, она не отвергает применения насилия в ходе вооруженных конфликтов, которые уже ведутся и в которых группа считает мусульман борцами против угнетателей, как, например, насилие со стороны палестинцев против израильской оккупации. Ее литература осуждает светскость и западный тип демократии. Ее антисемитские и анти-израильские заявления привели к тому, что правительство Германии запретило ее. Правительство России также запретило группу, классифицировав ее как террористическую организацию.

Некоторые представители дипломатических кругов, в частности, правительство США, рассматривают "Хизб-ут-Тахрир" как политическую организацию, и, следовательно, утверждает, что члены "Хизб-ут-Тахрир, находящиеся в тюрьме, не являются жертвами религиозных преследований. Однако религия и политика являются неразделимыми в идеологии и деятельности "Хизб-ут-Тахрир", что является одной из главных причин почему узбекские власти арестовывают членов "Хизб-ут-Тахрир", способствующих продвижению ее религиозных идей: восстановление халифата и строгое соблюдение Корана. Даже если признать, что в идеологии, методах и целях "Хизб-ут-Тахрир" имеется политическая составляющая, это не должно ущемлять прав членов этой группы на защиту от преследований на религиозной основе.

"Хизб-ут-Тахрир (ХТ) в Узбекистане

"Хизб-ут-Тахрир" не зарегистрирована в Узбекистане и поэтому является незаконной. Она называется "запрещенной" организацией, хотя в отличие от средств, использованных немецкими властями для запрещения "Хизб-ут-Тахрир", ни одно административное или судебное решение, вынесенное в Узбекистане, никогда не запрещало организацию.

Члены встречаются небольшими группами по пять человек, которые называются самими членами "рабочими группами", а узбекскими правительственными чиновниками "секретными ячейками". Обе стороны признают, что основной деятельностью этих малых групп является преподавание и изучение литературы "Хизб-ут-Тахрир", а также традиционных исламских текстов, например, Корана и хадисов. Членство в группе утверждается путем принятия клятвы, содержание которой по-разному описывается, как: быть верным исламу; быть верным "Хизб-ут-Тахрир" и ее правилам; а также распространение слова пророка и обмена знаний об Исламе с другими. Правоохранительные и судебные органы обычно рассматривают лиц давших и не давших клятву полноправными членами организации.

В интервью Хьюман Райтс Вотч и в показаниях на суде члены "Хизб-ут-Тахрир" в подавляющем большинстве говорили о своем интересе в приобретении более глубоких знаний о догматах ислама в качестве своей мотивации для присоединения к группе. Члены "Хизб-ут-Тахрир" в Узбекистане, и, вероятно, в других местах, рассматривают восстановление Халифата в качестве практической цели, которую необходимо достигнуть через прозелитизм.

Члены организации в Узбекистане распространяют литературу или листовки, изготавливаемых организацией, в которые включаются цитаты из Корана, призывы к соблюдению основных принципов ислама, и анализ мировых событий, затрагивающих мусульман, в том числе осуждение массовых арестов независимых мусульман в Узбекистане ...

Хьюман Райтс Вотч зарегистрировала 812 случаев ареста и осуждения членов группы в Узбекистане. По оценкам самой группы в июне 2000 года полиция арестовала около 4000 своих членов в Узбекистане в ходе правительственной кампании против независимого ислама, проводимой с 1998 года. К ноябрю 2002 года немецкое подразделение "Хизб-ут-Тахрир" подсчитало, что правительство Узбекистана заключило в тюрьму более 10 000 последователей группы. Правозащитная группа Мемориал сообщила о 2 297 религиозно и политически мотивированных арестах, которые были зарегистрированы по состоянию на август 2001 года; согласно оценкам группы, более половины мусульман, арестованных за ненасильственные преступления, обвинялись в членстве в "Хизб-ут-Тахрир". Помимо того, что аресты производились за членство и собрания для изучения, приверженцев "Хизб-ут-Тахрир" иногда арестовывали в массовом порядке за хранение и распространение литературы группы, или, в некоторых случаях, из-за простой, случайной близости к тем, кто занимался вербовкой приверженцев для "Хизб-ут-Тахрир" ...

Пытки и жестокое обращение в предварительном заключении

Широкое применение пыток к заключенным является общей характеристикой уголовных расследований в Узбекистане. В кампании против независимого ислама полиция систематически прибегала к пыткам для того, чтобы заставить признаться и сделать заявления, обличающие других лиц.

За последние два года международное сообщество обратило внимание на широкое распространение и серьезный характер пыток в Узбекистане, а также их использование в кампании против независимого ислама ...

...Полиция и службы безопасности пытаются независимых мусульманских подозреваемых в ходе фазы следствия, чтобы вынудить их признать вину или дать показания против других. Допрос независимого мусульманина обычно строится на вопросах, касающихся убеждений задержанного, его принадлежности к исламским группам, или связи с известными независимыми имамами. Конечный результат, которого полицейские стараются добиться – это заявление, подготовленное полицией и подписанное задержанным, в котором описаны религиозные убеждения задержанного, его занятия и конфессиональная принадлежность, а не преступное деяние. Поскольку многие из тех, кто был задержан по обвинениям, связанным с религией, содержатся в тюрьме без связи с внешним миром, допрос может продолжаться до шести месяцев.

С помощью пыток и угроз, - подробная информация о которых приводится ниже - агенты принуждали задержанных называть имена членов религиозных организаций, людей посещавших мечеть вместе с ними, или даже друзей и соседей, которые в действительности, возможно, не разделяли их религиозных убеждений или конфессиональной принадлежности. Они также заставили задержанных признаться в связях с неизвестными им лицами. Затем полиция арестовала тех, кого называли, или привлекала их в качестве свидетелей, зачастую принуждая их давать показания со стороны обвинения. Это стратегия принуждения производит неисчерпаемый поток имен для полиции и служб безопасности, которых они могут продолжать преследовать. Полиция иногда арестовывает подозреваемого и пытается неизвестных ему лиц для того, чтобы они дали показания против него ... "

В докладе кратко изложен ряд случаев применения пыток, зарегистрированных Хьюман Райтс Вотч, описывающих методы пыток, используемых против мусульманских заключенных, в том числе избивание кулаками и дубинками и металлическими прутьями, изнасилование и сексуальное насилие, электрошок, использование зажженных сигарет или газет для обжигания задержанного, а также удушение пластиковыми пакетами или противогАЗами. В докладе также сделана попытка раскрыть роль, которую играет применение пыток, для принуждения к даче показаний; судебный отказ расследовать обвинения жертв; а также судебная практика допущения показаний, полученных под пыткой, в качестве доказательств.

В докладе также указывается, что, хотя узбекский закон предусматривает доступ к адвокату с момента ареста, следователь часто оказывает давление на заключенных, чтобы те не искали адвоката. Когда задержанные или их семьи пытаются нанять независимого адвоката, власти часто отказывают адвокату в просьбе получить доступ к своим клиентам, пока полицейские не получат признательных показаний у обвиняемого. Полиция часто оказывает давление на задержанных или их семьи, чтобы те приняли услуги адвоката, назначенного государством, которые не защищают интересы своих клиентов, и которые, скорее всего, не будут подавать жалобы на жестокое обращение. Судьи игнорировали показания обвиняемых в суде о пытках, которые они пережили, и признавали в качестве доказательств признания и другие показания, полученные посредством применения пыток в ходе следствия.

74. В Страновом докладе Государственного Департамента США о применении прав человека в 2005 году, опубликованном 8 марта 2006 года, предоставлена следующая информация в отношении Узбекистана:

"Хотя закон запрещает такие методы, полиция и СНБ [Служба национальной безопасности] регулярно пытали, избивали и иным образом жестоко обращались с задержанными для получения признаний или обличительной информации... Подсудимые в ходе судебных процессов часто заявляли, что их признания, на которых обвинение основывало дела, были получены в результате пыток... В течение года правительство предприняло ряд шагов, направленных на реформы, ограничивающихся просвещением и пропагандой, хотя в значительной степени оно показало мало воли для решения выводов ООН ...

Власти обращались с лицами, подозреваемыми в чрезмерных исламистских политических симпатиях, особенно предполагаемыми членами ХТ [Хизб ут-Тахрир], более жестоко, чем с обычными преступниками. Имелись достоверные сообщения о том, что следователи подвергали лиц, подозреваемых в членстве в ХТ во время досудебного заключения особенно суровым допросам. После судебного разбирательства власти, согласно отчетам, применяли дисциплинарные и карательные меры, включая пытки, более часто к заключенным, осужденным за экстремизм, чем к обычным заключенным. Местные правозащитники сообщали, что обычным преступникам власти часто платили за избивание членов ХТ или иным образом заставляли это делать. Как и в предыдущие годы, имелись многочисленные достоверные сообщения о том, что должностные лица в нескольких тюрьмах жестоко обращались с членами ХТ, чтобы получить от них чистосердечные

признания, которые требовались от заключенных, чтобы иметь право на амнистию. По словам родственников заключенных, амнистированных заключенных, активистов из числа правозащитников, тех заключенных, которые отказывались писать письма, отрицающие их связь с ХТ, часто избивали или сажали в одиночную камеру. В течение года заключенные и один охранник тюрьмы подтвердили сообщения о том, что тюремные охранники систематически избивали подозреваемых членов ХТ после состоявшихся в марте и апреле 2004 года террористических актов...

Власти продолжали произвольно арестовывать людей по обвинению в экстремистских настроениях или деятельности, или связи с запрещенными религиозными группами... Власти не проводили больших различий между фактическими членами и теми, кто имел минимальные связи с группой, как например теми, кто посещал занятия по изучению Корана вместе с группой.

Как и в предыдущие годы поступали сообщения о том, что власти арестовывали и подвергали преследованию людей на том основании, что у них имелась литература ХТ. Вынужденные признания и показания были обычным явлением. Даже те лица, которые, как известно, принадлежали к ХТ, заявляли, что дела против них были построены не на фактических доказательствах, которые были доступны в изобилии, а на основании сфабрикованных материалов или на ложных показаниях ...

У защитников в некоторых случаях был ограниченный доступ к доказательной базе дел своих клиентов, находившейся у правительственных органов. Однако в большинстве случаев обвинение основывалось исключительно на признаниях подсудимых или избобличающих показаниях государственных свидетелей... В течение года Би-би-си цитировало бывшего чиновника министерства внутренних дел, который утверждал, что следователи часто использовали избиения, психотропные вещества или угрозы против членов семьи для получения признаний от обвиняемых... Во многих случаях, особенно в тех, которые касались подозреваемых членов ХТ, когда обвинению не удавалось получить признательные показания, оно полагалось исключительно на показания свидетелей, которых, согласно сообщениям, часто к этому принуждали... "

Е. Соответствующие положения узбекского законодательства

1. Уголовный кодекс

75. Узбекский уголовный кодекс гласит, что узбекское уголовное право основано на Конституции и признанных принципах международного права, таких как принцип законности, равенства граждан перед законом, гуманизма и справедливости (Статьи 1 и 3).

76. В Статье 159 узбекского Уголовного Кодекса, озаглавленной "Преступления против конституционного строя Республики Узбекистан", говорится об общественных призывах к неконституционной смене существующего государственного строя, к захвату власти или отстранению от власти законно избранных или назначенных органов власти, или к неконституционному нарушению единства территории Республики Узбекистан, а также распространении материалов с таким содержанием. Такие действия наказываются штрафом или сроком до трех лет лишения свободы. Если они совершаются организованной группой или в ее интересах, то предусмотрено наказание на срок до десяти лет лишения свободы (§ 3 (б)).

В Статье 216 Кодекса, озаглавленной "Создание запрещенных неправительственных и религиозных организаций", говорится о создании или возобновлении деятельности запрещенных общественных и религиозных организаций, а также об активном участии в их деятельности. Такие действия наказываются штрафом или тюремным заключением на срок до пяти лет.

В Статье 244-1 Кодекса, озаглавленной «Подготовка или распространение материалов, представляющих угрозу для общественной безопасности и общественного строя», говорится о подготовке или распространении материалов, содержащих идеологию религиозного экстремизма, сепаратизма или фундаментализма, подстрекательстве к беспорядкам или принудительном выселении граждан или экспроприации материалов, предназначенных для создания общественной паники, после официального предупреждения. Такие действия наказуемы штрафом или тюремным заключением сроком до 3 лет.

В Статье 244-2 Кодекса, озаглавленной "Создание, руководство или участие в религиозных экстремистских, сепаратистских, фундаменталистских или иных запрещенных организациях", говорится о преступлениях, связанных с созданием, руководством или участием в религиозных экстремистских, сепаратистских, фундаменталистских или иных запрещенных организациях. Такие действия караются тюремным заключением сроком до пятнадцати лет, и, если они причиняют серьезный ущерб, то вплоть до двадцати лет.

2. Уголовно-процессуальный кодекс

77. Узбекский Уголовно-процессуальный кодекс гласит, что отправление правосудия основано на принципах равенства граждан перед законом и судом, независимо от их пола, расы, национальности, языка, религии, социального происхождения, убеждений, или личного или социального статуса (Статья 16). Судьи, прокуроры и следователи должны уважать честь и репутацию лиц, участвующих в процессуальных действиях (Статья 17). Никто не может подвергаться пыткам, насилию и другим формам жестокого или унижающего достоинство обращения. Действия или решения, являющиеся унижающими, ведут к распространению личной информации человека, ущерба для его или ее здоровья, или неоправданно причиняют физические или нравственные страдания, запрещены.

Государственные органы и представители власти, отвечающие за уголовный процесс, должны защищать права и свободы лиц, участвующих в процессуальных действиях (Статья 18). Никто не может быть арестован или задержан без распоряжения на то суда или ордера прокурора. Суд или прокурор должен незамедлительно освободить каждое незаконно задержанное лицо после истечения предельного срока, разрешенного законом или решением суда. Личная жизнь человека, неприкосновенность его жилища, переписки и телефонных разговоров защищены законом. Ущерб, причиненный человеку в результате нарушения его прав и свобод в ходе уголовного судопроизводства, должен быть компенсирован в соответствии с положениями Кодекса.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЕЙ 3 И 13 КОНВЕНЦИИ

78. Заявитель утверждал, что его высылка в Узбекистан нарушила Статью 3 Конвенции, которая гласит следующее:

"Никто не должен подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию".

Он также утверждал, что у него не было эффективных средств правовой защиты в плане указанного выше основания для жалобы, и что его выслали из России, несмотря на ожидавшую рассмотрение апелляцию, поданную на решение о его высылке. Суд рассмотрит эту жалобу в соответствии со Статьей 13, которая гласит следующее:

"Каждый человек, чьи права и свободы, изложенные в [настоящей] Конвенции, нарушены, должен иметь эффективные средства правовой защиты перед национальными властями, даже если это нарушение было совершено лицами, исполняющими свои должностные обязанности".

A. Представления сторон

1. Правительство

79. Правительство заявило, что заявление о преследовании на религиозной почве против заявителя было проверено миграционными властями при рассмотрении его заявления на предоставление статуса беженца и было отклонено как необоснованное. Миграционные власти полагались на заявление российского министерства иностранных дел о том, что лицам, совершившим уголовные преступления в Узбекистане, не грозит опасность жестокого обращения. Правительство, однако, отметило, что заявитель не выразил жалобу в контексте Статьи 3 перед районным судьей, который вынес решение о его высылке. Ссылаясь на гарантии узбекских властей и узбекского законодательства (см. пункты 75 и 77 выше), Правительство утверждало, что заявитель не будет подвергаться какому-либо грубому обращению или наказанию, противоречащему Статье 3 Конвенции.

80. Что касается Статьи 13, Правительство утверждало, что у заявителя имелись эффективные средства правовой защиты в соответствии со Статьей 21 § 2 и Статьей 46 §§ 2 и 3 Конституции Российской Федерации (см. пункт 45 выше).

2. Заявитель

81. Представитель заявителя утверждал, что его утверждения об опасности жестокого обращения не были рассмотрены российскими властями. Она опиралась на ряд докладов, изданных учреждениями Организации Объединенных Наций и международными и региональными организациями, и утверждала, что заявитель подвергался и продолжает подвергаться риску применения пыток в Узбекистане по причине своих религиозных убеждений. В качестве примеров она привела случаи, когда мусульманские заключенные подвергались жестокому обращению, а в некоторых случаях даже были убиты, в силу своих религиозных убеждений, или когда на них необоснованно налагались дисциплинарные меры наказания, такие как помещение в карцер без пищи или воды, особенно, потому что они пытались молиться. Она также сослалась на недавние сообщения о якобы ужасных условиях содержания под стражей и отсутствие контроля в местах заключения в Узбекистане. Представитель заявителя также опиралась на показания третьих сторон, представленных в Суде в рамках дел *Маматкулов и Аскарлов против Турции* ([GC], номера 46827/99 и 46951/99, ЕКПЧ 2005-I) и *Исмоилов и другие против России* (№ 2947/06, 24 апреля 2008 года). По мнению представителя заявителя, высылка заявителя была в действительности "замаскированной экстрадицией", в результате которой заявитель был осужден за преступления, в отношении которых российские власти отказали в выдаче. Заявитель был выслан в грубое нарушение российского законодательства до того, как стало возможным рассмотреть апелляцию по постановлению о высылке, и отказ в предоставлении статуса беженца. Кроме того, по данному делу не было получено никаких дипломатических заверений от узбекских властей, и, даже если они были получены, они не могли быть эффективными в контексте административной высылки, формально не связанной с каким-либо уголовным делом в отношении заявителя, ожидающим своего решения. Что касается суда по делу *Шамаев и другие против Грузии и России* (№ 36378/02, ECHR 2005-III), утверждалось, что неспособность правительства-ответчика выполнить указания в соответствии с Правилем 39, не обязательно должна препятствовать Суду в рассмотрении жалобы по существу в контексте Статьи 3. В противном случае, для государства-ответчика было бы менее обременительным выслать заявителя со своей территории в случаях, когда применяется Правило 39, и при этом быть привлеченным к ответственности за нарушение Статьи 34 Конвенции, чем соблюсти Правила 39 и при этом обнаружить нарушение Статьи 3 и / или Статьи 6.

82. Ссылаясь на Статью 13, представитель заявителя утверждала, что заявитель был выслан до того, как распоряжение о его высылке вступило в окончательную силу. Ни решение от 2 ноября 2006 года о его отмене, ни уголовные дела против г-на Г. не могли рассматриваться в качестве эффективного средства правовой защиты, поскольку они произошли после того, как заявитель был выслан из России.

В. Оценка Суда

1. Допустимость

83. Правительство утверждало, что заявитель не исчерпал средства защиты внутри страны в том смысле, что он упустил возможность поднять свою жалобу по существу согласно Статье 3 перед окружным судьей 17 октября 2006 года. Суд считает, что вопрос исчерпания средств защиты внутри страны тесно связан с конкретными обстоятельствами дела жалобы заявителя согласно Статье 3 Конвенции. Таким образом, Суд считает необходимым связать возражения Правительства с конкретными обстоятельствами жалобы заявителя согласно Статье 3 Конвенции. Не было установлено каких-либо иных оснований для объявления ее неприемлемой. Поэтому эта жалоба должна быть объявлена допустимой.

84. Суд приходит к такому же выводу в отношении жалобы заявителя в соответствии со Статьей 13 Конвенции. Согласно тому, что разрешено в соответствии со Статьей 29 §3 Конвенции, Суд приступает к рассмотрению по существу жалобы заявителя согласно Статье 3, а затем Статье 13 Конвенции.

2. Конкретные обстоятельства дела

(а) Статья 3 Конвенции

85. Суд рассмотрит по существу жалобу заявителя по Статье 3 в свете применимых общих принципов, как это было недавно подтверждено в деле *Саади против Италии* ([GC], номер 37201/06, §§ 124-136, ECHR 2008 -- ...).

(l) Процедуры внутри стран

86. Суд вначале определит, был ли получен ответ на жалобу заявителя на национальном уровне. В этой связи он отмечает, что заявитель был выслан из России в Узбекистан в порядке административного изгнания по причине предположительного нарушения правил проживания, и после того, как российские власти отказались выдать его по обвинениям в причастности к подрывной деятельности в Узбекистане.

87. С учетом материалов, находящихся в его распоряжении, Суд считает, что национальные власти не провели адекватную оценку риска применения пыток или жестокого обращения, если бы заявитель был выслан в Узбекистан. Суд, во-первых, принял во внимание выводы, сделанные местными органами власти в связи с его ходатайством о предоставлении статуса беженца. Оно было отклонено, поскольку согласно мнению миграционных органов, он не подпадал в сферу определения термина "беженец" согласно "Закону о беженцах". Из записи интервью заявителя с офицером миграционной службы не видно, чтобы заявитель сделал какие-либо конкретные заявления об опасности подвергнуться жестокому обращению в случае его возвращения в Узбекистан. Также выяснилось, что, узнав об обвинениях против него в ноябре 2005 года, заявитель намерен был вернуться в Узбекистан с тем, чтобы получить дополнительные сведения. Суд, однако, отмечает, что, при подаче апелляции против отказа в предоставлении ему статуса беженца, заявитель выдвинул конкретные и подробные аргументы, связанные с риском применения пыток в Узбекистане (см. пункт 20 выше). Отмечено, что российские власти, включая суды, отклонили доводы заявителя со ссылкой на его неспособность доказать то, что он покинул Узбекистан по "политическим соображениям", и что его опасения подвергнуться преследованию по указанным причинам были оправданными. Суд повторяет, что в принципе заявитель обязан привести доказательства, способные подтвердить, что имеются реальные основания полагать, что если указанные в жалобе меры будут выполнены, то он подвергнется реальной опасности жестокого обращения в нарушение Статьи 3 (см. *Н. против Финляндии*, номер 38885/02, §167, §167, 26 июля 2005 года). Национальные власти не уделили никакого внимания доводу заявителя о преследовании скорее по религиозным, а не чисто "политическим" соображениям (см. также пункты 19 и 23 выше). Суд удовлетворен тем, что ходатайство заявителя о пересмотре в судебном порядке отказа в рассмотрении его ходатайства о предоставлении статуса беженца было подкреплено ссылками на доклады международных организаций о ситуации с правами человека в Узбекистане, в частности, в отношении лиц, подвергающихся риску подвергнуться преследованиям в силу их религиозных убеждений. В таких обстоятельствах российские власти должны были рассеять любые сомнения относительно такой опасности. Этого не произошло, поскольку заявитель был выслан до того, как российский суд смог рассмотреть его дело о судебном пересмотре.

88. Миграционные власти также сослались на то обстоятельство, что заявитель не ходатайствовал о предоставлении статуса беженца сразу же после своего прибытия в Россию (см. пункт 23 выше). Вопрос о том, что заявитель добровольно уехал из Узбекистана и прибыл в Россию в 2000 году в поисках работы, не является спорным. Основная идея его жалобы заключалась в том, однако, что он подвергался преследованию со стороны узбекских властей с апреля 2005 года на основании утверждений о совершении серьезных уголовных преступлений, наказуемых длительными сроками тюремного заключения. В такой ситуации было бы целесообразно рассмотреть вопрос о том, что заявитель подпадает под определение понятия беженец "на месте". Решения, принятые внутри страны, как видно, не уделили должного внимания данному аспекту дела.

89. Суд также подчеркивается, что поведение указанного лица, каким бы оно ни было нежелательным или опасным, не может быть принято во внимание, с тем последствием, что защита, обеспечиваемая Статьей 3 Конвенции, шире, чем защита, предусмотренная в Статьях 32 и 33 Конвенция 1951 Организации Объединенных Наций, касающейся статуса беженцев (см. дело *Саади*, приведенное выше, § 138). Таким образом, суд считает, что аргумент, основанный на сбалансировании опасности вреда, если человека вернуть, по отношению к опасности, которую он или она представляет для общества, если его не вернуть, является заблуждением (см. обстоятельства, установленные в ходе судебного разбирательства внутри страны, в конце пункта 19 выше). Понятия "риск" и "опасность" в данном контексте не поддаются балансовому тестированию, поскольку они являются понятиями, которые могут быть оценены только независимо друг от друга. Либо доказательства, представленные в суде, показывают, что существует значительный риск, если человека вернуть, либо нет. Перспектива того, что он или она могут представлять серьезную угрозу для общества, если не будут возвращены, ни в коей мере не уменьшает степень риска жестокого обращения, которому человек может подвергнуться после возвращения (дело *Саади*, приведенное выше, § 138).

90. Что касается судебных разбирательств, которые привели к высылке заявителя, суд осуждает тот факт, что заявителю не было предоставлено какого-либо разумного времени и возможности для подготовки своей защиты и обеспечения своего личного представительства на слушаниях 17 октября 2006 года (см. пункт 26 выше). Из

материалов дела не видно, чтобы во время слушаний велся какой-либо стенографический отчет, хотя такая возможность существовала в соответствии с законодательством Российской Федерации. Следовательно, невозможно установить с какой-либо определенностью содержание заявлений заявителя, сделанных районному судье. Суд вновь заявляет в этой связи о том, что Конвенция призвана гарантировать права, которые не являются теоретическими или иллюзорными, но являются практическими и эффективными (см., с соответствующими изменениями, дело *Мэттьюз против Соединенного Королевства* [GC], номер 24833/94, § 34, ECHR 1999-I). Согласно вынесенному Судом решению по делу *Чонка против Бельгии* (№ 51564/99, § 46, ECHR 2002-I), требование о доступности средств правовой защиты по смыслу Статьи 35 §1 Конвенции предусматривает, среди прочего, что обстоятельства, добровольно созданные органами власти, должны быть такими, чтобы предоставить заявителю реальную возможность воспользоваться средствами правовой защиты. В том же ключе, заявителю не была предоставлена разумная возможность подавать возражение по своему делу. Кроме того, Суд склонен считать, что районного судью не следовало достаточно подробно осведомлять о фактах, предшествовавших задержанию заявителя 17 октября 2006 года, так как те факты имели отношение к рассмотрению дела, предшествовавшего данному. Возражения Правительства о том, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны, следовательно, отклоняется.

(ii) Судебная оценка риска

91. Теперь Суд определит, существовала ли для заявителя реальная опасность подвергнуться в Узбекистане обращению, запрещенному Статьей 3 на момент его высылки из России.

92. В свете материалов, имеющих в его распоряжении (см. пункты 32, 43 и 44 выше), Суд приходит к выводу, что заявитель покинул территорию России 24 октября 2006 года. Поэтому этот день должен быть принят во внимание при оценке того, существовала ли для него реальная опасность подвергнуться в Узбекистане обращению, запрещенному Статьей 3. Таким образом, Суд оценит ответственность России в свете Статьи 3 со ссылкой на обстоятельства, полученные в этот день.

93. Суд учел, во-первых, доклады Организации Объединенных Наций, в которых говорится о тревожной ситуации в Узбекистане (см. пункты 67-70 выше). В 2002 году Специальный докладчик ООН охарактеризовал практику применения пыток в отношении лиц, содержащихся под стражей в полиции, как "систематическую" и "неизбирательную". Его преемник на этом посту в 2006 году объявил, что его представительство продолжает получать серьезные заявления о пытках со стороны сотрудников узбекских правоохранительных органов. В 2006 году Генеральный секретарь ООН также обратил внимание на сохраняющиеся проблемы широко распространенного жестокого обращения с заключенными, и выразил сожаление о том, что принимаются неадекватные меры для привлечения виновных к ответственности. Доказательства, представленные в Суде, которые он считает достоверными, раскрывают, что в течение рассматриваемого периода в Узбекистане сохранялись проблемы связанные с жестоким обращением с заключенными.

94. Суд отмечает, что заявитель был обвинен в причастности к деятельности Хизб ут-Тахрир (ХТ), являющейся транснациональной исламской организацией. Обвинения против него были выдвинуты на основании Статей 159, 216, 244-1 и 244-2 узбекского уголовного кодекса, которые касаются, соответственно, незаконных действий против конституционного порядка и распространении подрывных материалов; создания запрещенной организации; производства и распространения подрывных материалов, призывающих к религиозному экстремизму, сепаратизму и фундаментализму, и участия в деятельности запрещенной организации (см. пункт 18 выше). После его принудительного возвращения в страну, заявитель был осужден узбекским судом за незаконные действия против конституционного порядка и участие в деятельности ХТ, и приговорен его к пяти годам и шести месяцам лишения свободы. Суд установил, что в 1999 году заявитель занимается пропагандой, касающейся деятельности ХТ, направленной на подрыв конституционного строя и создание исламистского государства.

95. Согласно недавнему решению Суда по делу *Саади* (цитируется выше, § 132), в случаях, когда заявитель утверждает, что он или она являются членами группы систематически подвергающейся практике жестокого обращения, в игру вступает защита, предоставляемая Статьей 3 Конвенции, когда заявитель устанавливает, если необходимо, на основании информации, содержащейся в последних докладах независимых международных правозащитных ассоциаций или правительственных источников, что существуют серьезные причины верить в существование практики, о которой идет речь, и его или ее членство в группе, о которой идет речь. При таких обстоятельствах, Суд не будет далее настаивать на том, чтобы заявитель продемонстрировал наличие

дополнительных специальных отличительных черт, если это приведет к тому, что защита, предусмотренная Статьей 3 станет иллюзорной (*необъективной*) (см. *НА. против Соединенного Королевства*, номер 25904/07, §116, 17 июля 2008 года). Приведенные выше выводы относятся к заявителю по данному делу, который был подвергнут преследованиям по причине его предполагаемого участие в деятельности ХТ, что он неизменно отрицал. С учетом материалов, представленных заявителем и полученных Судом *по собственной инициативе* (см., в частности, пункты 73 и 74 выше), Суд считает, что имеются серьезные основания верить в существование практики преследования членов или сторонников этой организации, чьи основные цели, как представляется, являются и религиозными и политическими. В этой связи суд ссылается на вышеупомянутый Доклад Специального докладчика ООН, который подтвердил наличие сохраняющейся практики применения пыток в отношении лиц, которые, как и заявитель, были обвинены по Статьям 159 и 244 Уголовного кодекса Узбекистана с целью принуждения к даче признаний, уличающих самих себя в преступной деятельности, и наказания тех, кого государственные органы считали участниками религиозной или политической деятельности, противоречащей государственным интересам (см. пункт 67 выше). Согласно сообщениям, сбор доказательств в таких случаях основывался на признаниях, полученных незаконным путем, и что жестокое обращение по-прежнему использовалось против заключенных, осужденных по таким обвинениям.

96. С учетом вышеизложенного, Суд считает, что были продемонстрированы достаточные основания для того, чтобы полагать, что заявителю угрожала реальная опасность обращения, запрещенного Статьей 3. Эта опасность не может быть исключена на основании других материалов, имеющих в распоряжении Суда. Суд принимает к сведению ссылки Правительства на соответствующие положения узбекского законодательства и на признаки некоторых улучшений в области защиты прав человека в Узбекистане, которые, по мнению правительства, сводят на нет риск жестокого обращения. Суд повторяет, однако, что существование национальных законов и присоединение к международным договорам, гарантирующим уважение основных прав в принципе, само по себе не является достаточным для обеспечения адекватной защиты от опасности жестокого обращения, в тех случаях когда, как и в данном деле, достоверные источники сообщали о применяемой практике или попустительстве властей, которая явно противоречит принципам, закрепленным в Конвенции (см. дело *Саади*, процитированное выше, § 147, в конце абзаца). Конкретных доказательств того, что произошли какие-либо фундаментальные улучшения в области защиты от пыток в Узбекистане, не было представлено (см., в отличие от этого недавний доклад ООН, процитированные в пункте 71 выше).

97. Что касается аргументов Правительства о том, что были получены заверения от узбекских властей, то, во-первых, Правительство не представило копии каких-либо дипломатических заверений, в которых говорится о том, что заявитель не будет подвергаться пыткам или жестокому обращению. Единственный документ, представленный Правительством, содержит гарантии, выданные узбекской Генеральной прокуратурой в рамках Минской конвенции, касающиеся процедуры экстрадиции (см. пункты 12 и 66 выше). Во-вторых, Суд уже предупредил о том, что даже если такие гарантии были получены, это не освобождает его от обязанности исследовать то обстоятельство, являются ли такие заверения в их практическом применении достаточными для того, чтобы гарантировать защиту заявителю от опасности обращения, запрещенного Конвенцией (см. дело *Саади*, приведенное выше, § 148). Значение, которое должно придаваться гарантиям со стороны принимающего государства, зависит в каждом случае от обстоятельств, сложившихся на данный момент.

98. В свете вышеизложенных соображений, Суд считает, что высылка заявителя в Узбекистан повлекла нарушение Статьи 3. Отсутствие какой-либо достоверной информации о состоянии заявителя после его высылки в Узбекистан, за исключением факта его осуждения (признания виновным), остается предметом серьезной обеспокоенности для суда.

(б) Статьи 13 Конвенции

99. Суд повторяет, что Статья 13 гарантирует наличие на национальном уровне средств правовой защиты для обеспечения - и, как следствие, предположительного не соблюдения - сути прав и свобод в рамках Конвенции, в любой форме, в которой может потребоваться их обеспечить в рамках национальной правовой системы, и с учетом того, что Договаривающиеся Государства имеют определенную свободу в отношении того, каким образом они будут соблюдать свои обязательства в соответствии с настоящим положением (см. дело *Шамаев и другие*, упомянутое выше, § 444). Для того, чтобы обеспечить применение Статьи 13, жалоба, подпадающая под резолютивную часть Конвенцию должны быть доказуемой. Суд считает, что претензия заявителя в соответствии со Статьей 3 была "доказуемой", и, таким образом, Статья 13 была применима в рассматриваемом деле. В действительности, между сторонами по этому вопросу не было никаких споров.

100. Что касается существа жалобы, Суд повторяет, что средство правовой защиты, предусмотренное в Статье 13, должно быть эффективным как по закону, так на поверку, в частности, в том смысле, что действия или бездействие органов власти государства-ответчика не должны необоснованно препятствовать ее осуществлению (там же, § 447).

Суд не призван *абстрактно* рассматривать совместимость соответствующего законодательства и практики с положениями Конвенции, но он должен определить, имелось ли у заявителя средство правовой защиты, совместимое с положениями Статьи 13 Конвенции, которое могло бы предоставить ему соответствующую помощь в том, что касается существа его жалобы (см., среди других органов власти, *Г.Н.Н. и другие против Турции*, номер 43258/98, § 34, ECHR 2000-VIII). Даже в том случае, если одно средство правовой защиты само по себе не полностью удовлетворяет требованиям Статьи 13, совокупность средств, предусмотренных в соответствии с национальным законодательством, может сделать это (см., среди других органов власти, дело *Чонка*, приведенное выше, § 75). "Эффективность" "средства правовой защиты" по смыслу Статьи 13 не зависит от определенности благоприятного результата для заявителя (там же).

101. Суд далее отмечает, что совокупность обязательств Государства согласно Статье 13 варьируются в зависимости от характера жалобы заявителя в рамках Конвенции. Учитывая необратимый характер вреда, который может возникнуть, если предполагаемая опасность пыток или жестокого обращения осуществиться и то значение, которое Суд придает Статье 3, понятие эффективного средства правовой защиты согласно Статье 13 требует (i) независимого и строгого детального рассмотрения заявления о том, что имеются основания полагать, что существует реальная опасность жестокого обращения в нарушение Статьи 3 в случае высылки заявителя в страну назначения, и (ii) обеспечения эффективной возможности приостановки исполнения мер, последствия которых имеют потенциально необратимый характер (или "средство правовой защиты с автоматическим приостанавливающим действием", как это сформулировано в деле *Гебремедин [Габерамедин] против Франции*, номер 25389/05, § 66 в конце, ECHR 2007 -..., которое касается просителя убежища, желающего въехать на территорию Франции; см. также дело *Джабари против Турции*, номер 40035/98, § 50, ECHR 2000-VIII; *Шамаев и другие*, упомянутое выше, § 460; *Оличе Кахуас против Испании*, номер 24668/03, § 35, ECHR 2006-X; *Ших и Салах против Нидерландов*, номер 1948/04, § 154, ECHR 2007 -...).

102. Процедура судебного разбирательства, в принципе, представляет собой эффективное средство правовой защиты по смыслу Статьи 13 Конвенции в отношении жалоб в контексте высылки и выдачи, при условии, что суды могут эффективно проанализировать законность компетенции исполнительной власти по материально-правовым (или основным) и процедурным основаниям, и отменять решения, в случае необходимости (см. дело *Сливенко против Латвии* (декабрь) [GC], номер 48321/99, § 99, ECHR 2002-II). Возвращаясь к обстоятельствам данного дела, Суд отмечает, однако, что высылка заявителя была приказана в первой инстанции районным судьей в качестве дополнительного наказания в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях. Суд уже установил, что разбирательство в районном суде было некачественным (см. пункт 90 выше). Таким образом, адекватная возможность подать апелляцию против решения судьи и добиться приостановки исполнения постановления о высылке до его рассмотрения, было особенно важным, учитывая обстоятельства данного дела. Что касается наличия приостановки, Суд повторяет, что, исполнение мер, имеющих потенциально необратимые последствия является несовместимым со Статьей 13 до того, как национальные органы власти исследовали их совместимость с Конвенцией, хотя Договаривающиеся Государства имеют определенную свободу действий в отношении способа, который они применяют для соблюдения своих обязательств в соответствии с настоящим положением (см. дело *Гебремедин*, приведенное выше, § 58). На необходимость наличия средства правовой защиты с приостанавливающим действием было также указано Комитетом Министров Совета Европы и Комиссар по правам человека (пункты 63 и 64 выше). Как было подтверждено Бутырским районным судом Москвы в постановлении от 24 мая 2007 года (см. пункт 44 выше), высылка заявителя до рассмотрения его апелляции против высылки была незаконной. Таким образом, заявитель был лишен реальной возможности приостановить исполнение постановления о своей высылке.

103. Суд также отмечает, что Закон о беженцах (пункты 59 и 60 выше) предусматривает, что если не достигший своей цели проситель убежища предпочтет воспользоваться правом на апелляцию, то ему или ей может потребоваться покинуть территорию России в течение трех дней с момента получения уведомления о решении по апелляции, если у него или у нее не имеется иных законных оснований для пребывания в России. Однако эти положения Закона о беженцах не были соблюдены в деле заявителя, тем самым, не предоставив ему "на практике" эффективных средств правовой защиты.

104. Наконец, Суд считает, что Правительство не показало, какое возмещение могло бы быть предоставлено заявителю исходя из Статей 21 и 46 Конституции Российской Федерации.

105. Следовательно, Суд приходит к выводу, что имело место нарушение Статьи 13 Конвенции, поскольку согласно обстоятельствам данного дела заявителю не было предоставлено эффективных и доступных средств правовой защиты в связи с его жалобой в соответствии со Статьей 3 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

106. Заявитель пожаловался в соответствии со Статьей 3 и Статьей 5 § 1 (f) Конвенции на то, что его содержание под стражей со 2 февраля по 29 сентября 2006 года было незаконным и что процедуры выдачи не были проведены с должным вниманием. Суд рассмотрит эти жалобы согласно Статье 5 § 1 (f) Конвенции, соответствующие части которой гласят следующее:

"1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в соответствии с процедурой, предусмотренной законом:

...

(f) законное задержание или заключение под стражу лица в целях предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры с целью депортации или экстрадиции".

Он также пожаловался согласно Статье 5 § 1 (f) и Статье 13 Конвенции на то, что его содержание под стражей до экстрадиции не было рассмотрено в судебном порядке. Суд рассмотрит эту жалобу по Статье 5 § 4 Конвенции, которая гласит следующее:

"Каждый, кто лишен свободы вследствие ареста или задержания, должен иметь право на судебное разбирательство, в ходе которого законность его задержания должна быть решена в оперативном порядке судом, и, если задержание является незаконным, вынести решение о его освобождении".

A. Заявления сторон

107. Правительство заявило, что заявитель не исчерпал внутренних средств правовой защиты в отношении своей жалобы в соответствии со Статьей 5 Конвенции. Правительство утверждало, что в распоряжении заявителя имелось несколько средств правовой защиты, включая Статью 108 Уголовно-процессуального кодекса, которая предусматривает процедуру обжалования меры пресечения, и Главы 16 Уголовно-процессуального кодекса, которая устанавливает процедуру обжалования решений, принятых в ходе уголовного судопроизводства. Наконец, подозреваемый или обвиняемый может подавать заявления или жалобы в суд или другой государственный орган в соответствии со Статьей 17 (1) (7) Закона о содержании под стражей.

108. Правительство также заявило, что длительность содержания заявителя под стражей объясняется ожиданием рассмотрения его просьбы о предоставлении убежища и статуса беженца, судебными разбирательствами в связи с отказом в предоставлении ему статуса беженца; продолжающейся "проверкой экстрадиции", с тем, чтобы проверить его гражданство и правовые основания для проживания в России; а также в связи с тем, что до принятия решения об экстрадиции, некоторые дополнительные документы и разъяснения, связанные с обвинениями, выдвинутыми против заявителя, были запрошены у узбекских властей. Российские миграционные власти были вынуждены провести расследование утверждений заявителя о возможных преследованиях по религиозным основаниям в случае его возвращения в Узбекистан. Сотрудник миграционной службы несколько раз беседовал с заявителем, с тем, чтобы заполнить заявление о предоставлении убежища. В ходе этих бесед заявитель не жаловался на условия содержания в российском СИЗО. Принимая во внимание медицинское заключение в отношении заявителя, миграционные власти отказались в предоставлении убежища, посчитав его необоснованным.

109. Заявитель утверждал, что российские суды не применили Статьи 108 и 109 Кодекса к процедуре экстрадиции, и, как правило, отказывались рассматривать законность его содержания под стражей в ожидании экстрадиции, ссылаясь на Статью 466 Уголовно-процессуального кодекса. Заявитель утверждал, что задержка в

восемь месяцев была необоснованной, учитывая тот факт, что в просьбе было отказано по формальным основаниям, и показал, что судебное разбирательство не проводилось с должной тщательностью. Его содержание под стражей в ожидании экстрадиции служило иным целям, не связанным с понятием "с целью выдачи" (например, рассмотрение его заявления о предоставлении убежища и статуса беженца). Наконец, в своих замечаниях он представил новый аргумент, утверждая, что его содержание под стражей после принятия решения от 22 сентября 2006 года до 29 сентября 2006 года, также нарушило Статью 5 § 1 Конвенции.

В. Оценка Суда

1. Допустимость

110. Правительство утверждало, что заявитель не исчерпал внутренних средств правовой защиты в отношении своих жалоб в соответствии со Статьей 5 Конвенции.

111. Суд считает, что вопрос об исчерпании внутренних средств правовой защиты тесно связан с существом жалобы заявителя по Статье 5 § 4 Конвенции. Таким образом, Суд приходит к выводу о необходимости объединить возражение Правительства по существу данного иска. Суд далее отмечает, что претензии заявителя по Статье 5 §§ 1 и 4 не являются явно необоснованными по смыслу Статьи 35 § 3 Конвенции и не являются недопустимыми по каким-либо иным признакам. Поэтому они должны быть признаны допустимыми.

2. Конкретные обстоятельства дела

(а) Статья 5 § 4 Конвенции

112. Суд сначала изучил иск заявителя в свете Статьи 5 § 4 Конвенции.

113. Суд повторяет, что цель Статьи 5 § 4 состоит в том, чтобы гарантировать лицам, которые были арестованы и задержаны, право на судебный надзор за законностью мероприятий, которые применяются к ним в этой связи (см., с соответствующими изменениями, дело *Де Вильде, Уумс и Версип против Бельгии*, решение от 18 июня 1971 года, серия А №. 12, § 76). Средства правовой защиты должны быть доступными в течение срока содержания лица под стражей с тем, чтобы данное лицо могло добиться оперативного судебного рассмотрения их законности. По необходимости, данное разбирательство должно приводить к освобождению из-под стражи. Наличие средств правовой защиты, предусмотренных в Статье 5 § 4, должно быть достаточно определенным не только в теории, но и на практике, причем отсутствие одного приведет к отсутствию доступности и эффективности, необходимой для целей данного положения (см., с соответствующими изменениями, дел *Стоичков против Болгарии*, номер 9808/02, §66 в конце, 24 марта 2005 года, и дело *Вачев против Болгарии*, номер 42987/98, § 71, ECHR 2004-VIII).

114. Что касается аргумента Правительства, основанного на Статьях 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса (УПК), Суд уже установил, что формулировка этих положений не свидетельствует о том, что задержанный имеет право на то, чтобы добиться рассмотрения вопроса о законности процедур, повлекших его или ее содержание под стражей, так как для возбуждения такого разбирательства необходимым элементом является ходатайство прокурора о продлении срока содержания под стражей (см. дело *Насруллоев против России*, номер 656/06, § 88, 11 октября 2007 года). В данном деле прокурор не ходатайствовал о продлении срока содержания заявителя под стражей.

115. Правительство не конкретизировало свое утверждение в отношении Главы 16 УПК и Раздела 17(1)(7) Закона о содержании под стражей (см. пункты 56 и 57 выше). В любом случае, Суд отмечает, что в Главе 16 УПК говорится о возможности для "сторон в уголовном судопроизводстве" оспаривать решения, принятые в ходе предварительного расследования, как, например, решение не возбуждать уголовное дело или решение о его прекращении. Не существует никаких указаний на то, что заявитель являлся участником уголовного судопроизводства в рамках значения, придаваемого данной фразе в российских судах (см. дело *Насруллоева*, приведенное выше, § 89). Таким образом, Суд не убедился в том, что положения настоящей Главы предоставляют эффективное средство правовой защиты для обжалования содержания под стражей в ожидании экстрадиции. Что касается Закона о содержании под стражей, Суд отмечает, что оно вытекает из Уголовно-процессуального кодекса и касается лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении уголовных преступлений

в России. Не существует указания на то, что этот закон применялся в указанное время к лицам, содержащимся под стражей в ожидании экстрадиции. Таким образом, Суд не уверен в том, что средства, изложенные Правительством, относились к заявленным нарушениям. При таких обстоятельствах от Правительства требовалось, но оно не сделало этого, показать, что наличие указанных выше средств защиты являлось достаточно определенным как в теории, так и на практике, без чего они лишены необходимой доступности и эффективности (см., среди других документов, дело *А. и Е. Риис против Норвегии*, номер 9042/04, § 41, 31 мая 2007 года, и дело *Вернило против Франции*, решение от 20 февраля 1991 года, серия номер 198, § 27). Таким образом, аргумент Правительства в соответствии с настоящей Главой должен быть отклонен.

116. Отсюда следует, что на протяжении всего срока содержания заявителя под стражей у него не было в распоряжении какой-либо процедуры для судебного рассмотрения его законности. Таким образом, имелось нарушение Статьи 5 § 4 Конвенции.

(б) Статья 5 § 1 Конвенции

117. Суд отмечает, что общей позицией обеих сторон является то, что со 2 февраля до, по крайней мере, 22 сентября 2006 года заявитель содержался под стражей с целью его экстрадиции из России в Узбекистан. Статья 5 § 1 (f) Конвенции, следовательно, применима в данном случае.

118. Суд отмечает, что основной идеей иска заявителя является длительность его содержания под стражей, якобы без уважительной причины. Тем не менее, суд не должен рассматривать данный вопрос, поскольку он считает, что имело место нарушение этого положения по иным основаниям.

119. Суд повторяет, что он приступает к данному рассмотрению с целью исследования того, являлось ли задержание заявителя «правомерным» в целях Статьи 5 § 1 (f), с особой ссылкой на гарантии, предоставляемые национальной системой. В тех случаях, когда рассматривается вопрос о «правомерности», включая вопрос о том, была ли соблюдена «процедура, предписанная законом», Конвенция, в основном, ссылается на национальное законодательство и принимает за основу обязательство соответствовать материально-правовым и процедурным правилам национального законодательства, но, в дополнение к этому, она требует, чтобы любое лишение свободы происходило в соответствии с целью Статьи 5, которая призвана защитить человека от самоуправства (см. дело *Амуур против Франции*, решение от 25 июня 1996 года, *Отчеты о вынесенных вердиктах и решениях 1996-III*, § 50).

120. Суд отмечает, что просьба о выдаче заявителя сопровождалась ордером на арест, выданным узбекским прокурором, а не решением узбекского суда. Распоряжение о первоначальном помещении заявителя под стражу было вынесено 4 февраля 2006 года российским судом на основании положений Главы 13 УПК, которая регулирует меры пресечения, включая меры содержания под стражей (см. пункт 11 выше). Законность первоначального ареста и помещения заявителя под стражу не обсуждается. Вопрос, который Суд должен определить, заключается в следующем: было ли данное решение суда достаточным для удержания заявителя под стражей в течение более семи месяцев до того, пока было принято решение о выдаче (см. дело *Насруллоев*, приведенное выше, §§ 73 и след.).

121. Суду не было представлено никакой информации о том, предпринимал ли заявитель какие-либо попытки, чтобы оспорить свое содержание под стражей на национальном уровне. Однако он уже пришел к выводу, что заявитель не располагал эффективными средствами правовой защиты в этом отношении. Кроме того, он ссылается на свои выводы в деле *Насруллоева*, касающиеся различных подходов, предпринятых российскими властями по вопросу положений, применимых к заключенным, ожидающим экстрадиции, в частности, на вопрос о том, применима ли Статья 109 УПК, которая устанавливает порядок и конкретные сроки для пересмотра содержания под стражей (см. также дело *Рябкин против России*, номер 8320/04, § 129, 19 июня 2008 года, и дело *Исмоилов и др. против России* (декабрь), номер 2947/06, 12 декабря 2006 года). Суд постановил по тому делу, что действовавшие в то время положения законодательства Российской Федерации, регулирующие содержание под стражей лиц с целью экстрадиции, не были ни точными, ни предвидимыми в их применении, и не достигали стандарта "качественного закона", требуемого в соответствии с Конвенцией.

122. Суд подтверждает выводы, сделанные в деле *Насруллоева*, и считает, что за отсутствием четких правовых положений, устанавливающих порядок вынесения распоряжений и продления содержания под стражей с целью

экстрадиции, а также установления сроков для такого задержания, лишение свободы, которому подвергнулся заявитель, не ограничивается адекватными гарантиями против произвола.

В частности, Суд отмечает, что в ордере о задержании от 4 февраля 2006 года не было установлено каких-либо сроков для содержания заявителя под стражей. В соответствии с положениями, регулирующими общие условия содержания под стражей (Статья 108 УПК), на которые ссылались внутренние суды при вынесении решения о заключении заявителя под стражу, срок содержания под стражей до окончания расследования был установлен в два месяца. Судья может продлить этот срок до шести месяцев. Дальнейшее продление может быть санкционировано судьей, если лицо обвиняется в тяжких или особо тяжких уголовных преступлениях. Однако, по истечении максимального первоначального срока содержания под стражей, составлявшего два месяца (Статья 109 § 1 УПК), суд не санкционировал какое-либо продление срока в данном деле. Заявитель провел более семи месяцев в заключении в ожидании экстрадиции. За этот период никаких запросов о продлении срока его содержания под стражей не было подано. Равным образом указание прокурора к администрации СИЗО не может рассматриваться в качестве достаточного с правовой точки зрения разрешения на длительное содержание заявителя под стражей (см. пункт 13 выше). Таким образом, национальная система была не в состоянии защитить заявителя от произвольного задержания, и его содержание под стражей не может считаться "правомерным" для целей Статьи 5 Конвенции. В этих обстоятельствах Суд не должен рассматривать отдельно дополнительные аргументы заявителя относительно задержки его освобождения.

123. Имеется нарушение Статьи 5 § 1 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ И СТАТЬИ 1 ПРОТОКОЛА НОМЕР 7

А. Процессуальные действия по экстрадиции из России

124. Заявитель пожаловался на то, что разбирательство в Тверском районном суде Москвы 17 октября 2006 года было несправедливым. В частности, он утверждал, что ему не была предоставлена возможность представить аргументы против своей высылки, быть представленным адвокатом и вызывать свидетелей от своего имени.

125. В той мере, в какой данная часть заявления должна быть рассмотрена в рамках Статьи 1 Протокола № 7 к Конвенции, исходя из того, это она применима в данном случае, Суд считает, с учетом своих выводов в отношении Статей 3 и 13 Конвенции, изложенных выше, что нет необходимости рассматривать иск отдельно в рамках Статьи 1 Протокола № 7.

126. В той мере, в какой данный иск должен рассматриваться в соответствии со Статьей 6 Конвенции, Суд повторяет, что решения, связанные с депортацией иностранцев, не касаются определения гражданских прав или обязанностей заявителя или уголовного обвинения против него по смыслу Статьи 6 § 1 Конвенции (см. дело *Маауйя против Франции* [GC], номер 39652/98, § 40, ECHR 2000-X). Отсюда следует, что данная жалоба несовместима с точки зрения предметной подсудности (*Ratione materiae*) с положениями Конвенции по смыслу Статьи 35 § 3 и должна быть отклонена в соответствии со Статьей 35 § 4.

В. Уголовное судопроизводство в Узбекистане

127. Заявитель подал жалобу до своей высылки в соответствии со Статьей 6 § 1 Конвенции, что в случае возвращения в Узбекистан, ему не предоставят возможность справедливого судебного разбирательства. В соответствующих частях Статьи 6 § 1 говорится следующее:

"При определении ... любого уголовного обвинения против себя, каждый человек имеет право на справедливое... слушание... в... суде..."

128. Правительство утверждало, что заявитель мог бы подать свою первую жалобу при разбирательстве в районном суде 17 октября 2006 года. Правительство также заявило, что узбекские власти предоставили заверения в том, что заявителя не будут передавать третьему государству, подвергать уголовному преследованию или наказывать за правонарушение, совершенное до его выдачи, а также по тем [преступлениям], по которым было отказано в его экстрадиции, и что после завершения судебного разбирательства и отбытия наказания, ему будет разрешено покинуть Узбекистан (пункт 12 выше). Узбекские

власти заверили, что заявитель не будет подвергаться преследованиям на основании его национальности или религиозных убеждений, и не будет подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или смертной казни.

129. В своей просьбе в рамках Правила 39, заявитель утверждал, что он не получит справедливого судебного разбирательства в Узбекистане, поскольку он будет осужден лишь на основании признаний, сделанных под пыткой; обвиняемые по аналогичным делам были осуждены судами, которые не могли считаться независимыми и беспристрастными. В замечаниях, представленных после высылки заявителя, его представитель далее утверждала со ссылкой на доклады ООН (см. пункт 68 выше), что в узбекской судебной системе отсутствует независимость от исполнительной власти, так как судьи назначаются только на пятилетний срок и могут подвергаться давлению посредством дисциплинарных взысканий, а также, что право на юридическую помощь во многих случаях не соблюдается с момента ареста. Наконец, она утверждала, что во время судебного разбирательства в Узбекистане заявителю было отказано в разрешении быть представленным частным адвокатом, и что вместо этого была предоставлена бесплатная адвокатская помощь в суде, и что ни представитель заявителя, ни члены его семьи не были проинформированы о точном месте его содержания под стражей в Узбекистане.

130. Суд повторяет, что нельзя исключать, что вопрос может возникнуть только в соответствии со Статьей 6 Конвенции в связи с решением о выдаче в тех случаях, когда лицо, скрывающееся от правосудия пострадало или рискует пострадать от грубого отказа в праве на справедливое судебное разбирательство в запрашивающей стране (см. дело *Соеаринг против Соединенного Королевства*, решение от 7 июля 1989 года, серия А №161, стр. 45, § 113). Несмотря на то, что жалоба заявителя касается высылки, что отличается от решения об экстрадиции, Суд считает, что вышеуказанное заявление может в принципе применяться к решениям о высылке (см., с соответствующими изменениями, дело *Круз Варас и другие против Швеции*, постановление от 20 марта 1991 года, серия номер 201, стр. 28, § 70, и дело *Томич против Соединенного Королевства* (декабрь), номер 17837/03, 14 октября 2003 года).

131. Суд приходит к выводу о том, что Правительство не доказало, что заявитель не исчерпал внутренние средства правовой защиты, в отличие от его жалобы по Статье 3. Следовательно, Суд не будет рассматривать такую возможность. Кроме того, он уже выразил сомнения в том, что заявителю была предоставлена разумная возможность подавать возражение по иску в районном суде. Тем не менее, Суд не требуется проводить каких-либо дальнейших изысканий в этом отношении, поскольку жалоба заявителя в соответствии со Статьей 6, в любом случае, является недопустимой.

Российские власти отказались экстрадировать заявителя. Тем не менее, он был выслан из России в результате судебного разбирательства в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях за нарушение правил проживания для иностранцев. В январе 2007 года узбекский суд признал его виновным в незаконных действиях против конституционного порядка и участия в деятельности запрещенной организации, и приговорил его к пяти годам и шести месяцам тюремного заключения (см. пункт 37 выше). В свете имеющихся в своем распоряжении материалов, Суд считает, что нет достаточных доказательств, демонстрирующих, что любые возможные нарушения в ходе судебного разбирательства обязательно составляли грубый отказ в правосудии. Суд приходит к заключению, что данная жалоба является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии со Статьей 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 34 КОНВЕНЦИИ

132. Представитель заявителя пожаловалась на то, что, выслав заявителя до рассмотрения его апелляции распоряжения о высылке, и, несмотря на меры, предписанные Судом 24 октября 2006 года в соответствии с Правилем 39 Регламента Суда, Россия не выполнила свои обязательства в соответствии с Конвенцией. Суд считает, что эта жалоба поднимает вопрос о том, нарушает ли государство-ответчик свои обязательства в соответствии со Статьей 34 Конвенции, в которой говорится, что заявителю не следует препятствовать в осуществлении права на отдельный иск.

Статья 34 Конвенции предусматривает следующее:

"Суд может принимать жалобы от любого лица, неправительственной организации или группы лиц, утверждающих, что они являются жертвами нарушения их прав одной из Высоких Договаривающихся Сторон, изложенных в Конвенции или Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права".

Правило 39 Регламента Суда предусматривает следующее:

"1. Палата или, когда это целесообразно, ее Председатель могут по просьбе одной из сторон или любого другого заинтересованного лица, или по собственной инициативе, предписать сторонам любую временную меру, которую они посчитает необходимой применить в интересах сторон или для надлежащего проведения разбирательства.

2. Комитет Министров необходимо уведомление об этих мерах.

3. Палата может запросить информацию от сторон по любым вопросам, связанным с осуществлением какой-либо временной меры, предписанной ею".

133. Правительство утверждало, что сразу же после того, как оно было уведомлено о предписании Суда в соответствии с Правилем 39, оно соответствующим образом проинформировало "прокуратуру и органы Министерства внутренних дел". Однако к тому времени заявитель уже был выслан из России. Заявитель покинул Россию на самолете в 7:20 вечера (время московское) 24 октября 2006 года, в то время как информация согласно Правилу 39 была опубликована на защищенном веб-сайте в 7:17 вечера по московскому времени (5:17 вечера по Страсбургскому времени) того же дня; копия данного письма не была отправлена по факсимильной связи.

134. Представитель заявителя утверждала, что Россия проигнорировала предписание Суда согласно Правилу 39. Заявитель был доставлен на борт самолета, улетающий в Ташкент в 11:50 вечера 24 октября 2006 года. Таким образом, российским властям было предоставлено достаточно времени для выполнения предписания Суда согласно Правилу 39. Она утверждала, что срочное уведомление могло быть сделано "посредством любых подходящих средств", таких как публикация соответствующей информации на защищенном веб-сайте. Со ссылкой на решение Суда по делу *Шамаев и другие* (упомянутое выше, §§ 5-12 и 475), представитель заявителя утверждала, что даже небольшая задержка в передаче и исполнении указаний Суда в соответствии с Правилем 39 является нарушением Статьи 34 Конвенции. Наконец, она выразила сожаление по поводу того, что российские власти не смогли ей помочь в восстановлении контактов с заявителем в Узбекистане.

135. Суд отмечает, что стороны разошлись во мнениях относительно того, был ли заявитель выслан из страны до или после того, как российским властям стало известно о запросе согласно Правилу 39, а также относительно фактического времени его отъезда с территории России. Суд подтверждает, что информация, касающаяся применения Правила 39 по делу заявителя, была опубликована на его защищенном веб-сайте в 7:17 вечера (по московскому времени) в тот же день. В свете имеющихся в его распоряжении материалов (см. пункты 43 и 44 выше), Суд приходит к выводу, что заявитель, скорее всего, покинул территорию России незадолго до полуночи (время московское) 24 октября 2006 года. Правительство, однако, не уточняет, когда оно впервые узнало о применении Правила 39 по данному делу, и были ли уведомлены администрация следственного изолятора и другие компетентные органы об этом, если это вообще произошло.

136. Суд не исключает возможности того, что неспособность Государства-ответчика принять практические меры для получения и обработки информации из Суда в отношении рассмотрения запроса согласно Правилу 39 или решения Суда о его применении в данном деле может поднять проблему, связанную со Статьей 34 Конвенции. Однако в данном случае Суд не может установить с достаточной уверенностью, что, будучи проинформированным о решении Суда применить Правило 39, Правительство-ответчик сознательно пренебрегло его соблюдением.

137. Равным образом остается невыясненным тот факт, что любое действие или бездействие со стороны российских властей было направлено на то, чтобы препятствовать Суду принять решение по запросу согласно Правилу 39 или своевременно уведомить об этом Правительство (ср. дело *Аль-Моайад против Германии* (декабрь), номер 35865/03, 20 февраля 2007 года). Остается неясным, проинформировал ли адвокат заявителя -

при содействии членов неправительственной организации, помогающей лицам, ищущим убежище, - Канцелярию представителя Российской Федерации при Европейском Суде, СИЗО или другой компетентный орган о том, что заявитель уже подал просьбу о принятии временных мер в соответствии с Правилom 39 Регламента Суда. Таким образом, Суд не может считать, что Государство-ответчик было надлежащим образом проинформировано о том, что запрос в соответствии с Правилom 39 уже был сделан. Исходя из этого, оценка представленных Суду материалов указывает на то, что существует недостаточно фактических оснований для того, чтобы сделать заключение о том, что Государство-ответчик сознательно препятствовало Суду принять решение по просьбе заявителя согласно Правилу 39 или своевременно уведомить об этом решение, в нарушение своего обязательства сотрудничать с Судом в духе доброй воли.

138. Следовательно, нарушения Статьи 34 Конвенции не было.

V. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

139. Суд также рассмотрел остальную часть иска заявителя в соответствии со Статьями 6 и 13 Конвенции, в том числе представленные им жалобы о нарушении принципа презумпции невиновности. Однако, принимая во внимание все имеющиеся в его распоряжении материалы, он считает, что эти жалобы не раскрывают каких-либо признаков нарушения прав и свобод, изложенных в Конвенции или Протоколах к ней. Отсюда следует, что эта часть иска должна быть отклонена как явно необоснованная, в соответствии со Статьей 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЕЙ 41 И 46 КОНВЕНЦИИ

140. Представитель истца потребовала от имени своего клиента денежную компенсацию за нематериальный ущерб, оставив определение суммы на усмотрение Суда. Она также призвала Суд "признать ущерб, нанесенный **"укладу жизни"** заявителя..., который был вызван его незаконной высылкой из России в нарушение Конвенции". Она также потребовала обязать Правительство-ответчик предпринять меры через свои дипломатические контакты в Узбекистане, направленные на восстановление контакта с заявителем и его родственниками, смягчив наказание заявителю посредством амнистии или помилования, обеспечить возможность его освобождения и содействовать его отъезду в страну, готовую его принять.

141. Правительство оспорило претензии заявителя в отношении нематериального ущерба.

A. Статья 41

142. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

"Если Суд приходит к выводу о том, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, и если внутреннее законодательство заинтересованной Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий такого нарушения, Суд должен, в случае необходимости, обеспечить справедливое удовлетворение потерпевшей стороне".

143. Что касается требования о выплате компенсации за нематериальный ущерб, Суд отмечает, что заявитель в настоящее время отбывает наказание в виде лишения свободы в неопределенном месте в Узбекистане. Попытки его представителя восстановить с ним связь были безрезультатными. Таким образом, Суд считает, что вопрос о применении Статьи 41 не готов для принятия решения. Соответственно, его необходимо отложить, а последующие процедуры определить с учетом любой договоренности, которая может быть достигнута между Правительством и заявителем (Правило 75 § 1 Регламента Суда).

B. Статья 46

144. Суд считает, что неденежные требования заявителя относятся в первую очередь к Статье 46 Конвенции, которая гласит:

"1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные решения Суда по делам, в которых они являются сторонами.

2. Окончательное решение Суда должно направляться Комитету Министров, который должен осуществляет надзор за его исполнением".

Суд указывает на то, что в соответствии со Статьей 46 Конвенции, Высокие Договаривающиеся Стороны обязались соблюдать окончательные решения Суда по любым делам, участниками которых они являются, при этом за их исполнением должен наблюдать Комитет Министров. Отсюда следует, в частности, что судебное решение, в котором Суд находит нарушение, налагает на Государство-ответчик правовое обязательство не только выплатить заинтересованным сторонам суммы, подлежащие компенсации в связи со справедливым удовлетворением, но также выбрать, под контролем Комитета Министров общие и/или, при необходимости, индивидуальные меры, которые должны быть приняты в их внутренней правовой системе, чтобы положить конец нарушениям, выявленным Судом, и возместить ущерб, в той степени, насколько это возможно, за их последствия (см. дело *Скозари и Гинта против Италии* [GC], номера 39221/98 и 41963/98, § 249, ECHR 2000-VIII; дело *Насруллоев*, приведенное выше, § 95). В исключительных случаях с целью содействия Государству-ответчику выполнить свои обязательства по Статье 46, Суд будет стремиться указать тип мер, которые могут быть приняты, с тем, чтобы положить конец систематическому нарушению, которое он выявил (см. дел *Аббасов против Азербайджана*, номер 24271/05, § 37, 17 января 2008 года). В таких обстоятельствах, он может предложить различные варианты и предоставить выбор мер и путей их реализации на усмотрение соответствующего государства (см., например, дело *Брониовский против Польши* [GC], номер 31443/96, § 194, ECHR 2004 -V). В других исключительных случаях, характер выявленных нарушений может быть таким, что не оставит реального выбора мер, необходимых для реализации средств правовой защиты, и Суд может принять решение указать лишь на одну такую меру (см., например, дело *Ассанидзе против Грузии* [GC], номер 71503/01, § 202, ECHR 2004 -II).

145. С учетом обстоятельств данного дела, Суд считает нецелесообразным указать меры, которые должны быть приняты в целях устранения выявленных нарушений.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ, СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановляет* объединить по сути возражения Правительства, касающиеся исчерпания внутренних средств правовой защиты в отношении жалоб заявителя, касающихся опасности жестокого обращения, в случае его высылки в Узбекистан, и незаконность лишения его свободы, и *отвергает* их;

2. *Объявляет* жалобы, касающиеся предполагаемого риска жестокого обращения в Узбекистане, заявленной неэффективности внутренних средств правовой защиты в отношении жалобы заявителя на опасность жестокого обращения, незаконность лишения заявителя свободы и отсутствия судебного рассмотрения его задержание приемлемыми (допустимыми), а оставшуюся часть заявления неприемлемой (недопустимой);

3. *Считает*, что имело место нарушение Статьи 3 Конвенции в связи с тем, что заявитель был выслан в Узбекистан;

4. *Считает*, что имело место нарушение Статьи 13 Конвенции в связи с тем, что власти не предоставили заявителю эффективных и доступных средств правовой защиты в связи с его жалобой согласно Статье 3 Конвенции;

5. *Считает*, что имело место нарушение Статьи 5 § 4 Конвенции по причине отсутствия какой-либо процедуры для судебного рассмотрения законности содержания заявителя под стражей с целью его экстрадиции в Узбекистан;

6. *Считает*, что имело место нарушение Статьи 5 § 1 Конвенции в связи с его задержанием с целью экстрадиции в Узбекистан;

7. *Считает*, что нет необходимости рассматривать отдельно жалобу согласно Статье 1 Протокола № 7;

8. *Считает*, что не было нарушения со стороны Государства-ответчика обязательств согласно Статье 34 Конвенции;

9. *Считает*, что вопрос о применении Статьи 41 не готов для принятия решения;

соответственно,

(а) *оставляет* вопрос открытым для будущего рассмотрения;

(б) *предлагает* российскому Правительству и заявителю представить в течение трех месяцев с даты, в которую судебное решение становится окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, свои замечания по данному вопросу в письменном виде и, в частности, уведомить Суд о любом достигнутом соглашении;

(с) *откладывает* дальнейшие процедуры и *делегировать* Председателю Палаты полномочия устанавливать их в случае необходимости.

Документ составлен на английском языке, уведомления в письменной форме представлены 11 декабря 2008 года, в соответствии с правилом 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Сорен Нильсен

Христос Розакис

Регистратор

Президент

¹ Человек, который не является беженцем, если он или она покинули страну происхождения, но которые стали беженцами впоследствии в результате внезапных изменений в стране происхождения (например, государственный переворот), или в результате собственной деятельности заявителя за рубежом (например, участие в политической деятельности, направленной против правительства страны происхождения).

² Правильная дата, однако, 24 октября 2006 года.